Теперь, ты веришь в чудеса?

Мечта

Анна Грэйс

16+

Анна Грэйс
Мечта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55753582
SelfPub; 2020

Аннотация

Это символическая история одной мечты. Мечты о настоящей любви, искренней дружбе и стремлении людей помогать ближним, в бесконечной надежде на то, что совершение хороших поступков может сделать мир и людей в нем счастливее и добрее. История о том, как важно сдерживать обещания, исполнять свои мечты и следовать за голосом собственного сердца. Наивная и романтичная провинциалка, талантливая художница Таня Алфеева решает изменить свою серую и однообразную жизнь. Она отправляется в Москву, чтобы исполнить мечту: нарисовать портрет известного актера Егора Саматова, в экранный образ, которого давно и безнадежно влюблена. Этот шаг меняет её представления о самой себе и позволяет осознать, что её настоящая мечта нечто большее, чем красивая сказка о любви.

Содержание

ЭТАП ПЕРВЫЙ 5
ЭТАП ВТОРОЙ 45
Конец ознакомительного фрагмента. 106

Посвящается моему другу
Рубан Светлане

Сначала мечты кажутся невозможными,
затем неправдоподобными, а потом неизбежными
Кристофер Рив

ЭТАП ПЕРВЫЙ
«придумай МЕЧТУ»

Глава 1

Я смотрю на картину, нарисованную мной. Густой черно-зеленый лес непроходимой стеной проступает вдоль берегов широкой реки. Бледный свет луны, отражающейся в мутной серо-зеленой поверхности, высвечивает очертания одинокой лодочки в центре, где на покрытом тленом и паутиной дне, прячусь я. Маленькая испуганная девочка, которая не смеет коснуться весел и задать направление, позволяя лодке бесцельно скитаться на волнах реки жизни. Лишь иногда, цепляясь за борта, до боли в израненных пальцах и горького привкуса страха во рту, я осмеливаюсь выглянуть из-за краев, настороженно рассматривая окружающий пейзаж, всегда однообразный и серый, пропитанный запахами гниющей воды и липкого холода. Призраками кажутся воспоминания о проплывающих мимо прекрасных городах и волшебных солнечных рощах, гордых кораблях и нарядных лодочках, бороздящих морские просторы, наслаждающихся вкусом соленого ветра и теплом яркого солнца. И тянущая рука тоски, перехватывая горло острыми нитями сожалений и несбывшихся надежд, заставляет меня вновь свернуться

комочком на дне, укутавшись в ложное ощущение безопасности, рожденное из страха столкновения с чужой жизнью, которое гонит прочь от гостеприимных огней гаваней, чарующих лесов и мифических кораблей.

Символизм – мое любимое направление в искусстве. Бесконечное множество кусочков душ и сердец спрятано в творениях художников за самыми незначительными предметами, которым обычный созерцатель не придает значения, не понимая, что прикоснувшись взглядом к этой маленькой детали, можно увидеть внутренний мир создателя картины даже через века. А моего сердца коснется чей-то взгляд? Я не мечтаю о столетиях… и даже о десятилетиях… пусть через несколько дней.

Но кому нужны мои душа и сердце? И разве, я их кому-нибудь отдам? Я и дальше буду плыть одна-одинешенька в своей маленькой лодочке, не смело мечтая, что однажды течение серой реки вынесет меня к бушующему океану, и я смогу увидеть Его величественный корабль. Сквозь высокие гребни белых волн буду любоваться недоступной красотой, тянуть руки, желая подплыть как можно ближе и почувствовать исходящие от него силу и энергию.

– Но я так и не осмелюсь подплыть, даже на расстояние вытянутой руки. А если все-таки решусь, то ты все равно меня не заметишь, не правда ли, Майк?

Я обращаюсь к фотографии актера Егора Саматова, стоящей на шкафу. Застывшее мгновение из фильма, на котором

высокий молодой мужчина, одетый в джинсы и белую рубашку, опираясь о поручни моста, смотрит вдаль. Ветер играет с темно-каштановыми волосами, ласково убирает волнистые пряди длинной челки с лица, открывая взору красоту и благородство тонких линий. Взгляд темно-карих глаз отражает тепло солнечного неба и мягкость облаков, а в уголках губ притаилась ласковая и манящая улыбка, словно обещание дружбы и радости. Мне трудно передать в словах всю красоту этого мужчины, но я изобразила ее красками, карандашом, углем, пастелью… я нарисовала сотни его портретов, по фотографиям, по стоп-кадрам из фильмов. Перенося на холст и бумагу красоту и благородство его экранных героев, я в глубине души мечтаю нарисовать настоящего Егора Саматова, касаясь карандашами и красками его души.

– Только мои мечты наивны, смешны и невозможны, не так ли, Майк?

Я всегда зову его Майком – по имени главного героя из любимого фильма. Или точнее, по имени персонажа, в которого я влюбилась. Благородного и справедливого охотника за преступниками, прекрасного мстителя в маске, способного пожертвовать всем ради торжества добра и любви. Но в жизни таких мужчин не бывает, только в кино и книгах. Я это знаю. И осознание нереальности этой любви подпитывает глубину и силу моих чувств, позволяя отдаваться ей всем своим существом, рисуя на его портретах кусочки своей души или сердца – в цветах на лацканах пиджака, в солнечных

зайчиках на лице, или переплетении красок небосвода над головой. Я могу любить его, оставаясь на дне лодки, не страшась ураганов и штормов, которые могут проникнуть в самую глубь реки и утащить за собой, в холодную и бездушную пучину, из которой мне уже не вырваться. Лишь смотреть с самого дна, обвязанной водорослями воспоминаний, с изъеденной болью душой, как плоть рыбой, на стеклянную поверхность реки и на одинокую лодочку на ней, в которой уже никогда не будет меня.

– Хочешь сказать, я все усложняю?

«Ты просто драматизируешь. Но у меня другой вопрос: ты вообще нормальная?» – Ответил бы Майк, если бы был настоящим.

– Нормальная… в том-то и фишка. Оттого так и обидно, что я нормальная. Самая обыкновенная девушка на свете. Ах, если бы я была безумной… сумасшедшей… готовой на все ради своей мечты… то… Что бы изменилось?

Я никогда не отвечаю на этот вопрос, так как не знаю ответа. Не могу представить себя сумасшедшей или бесшабашной девчонкой, способной с разворота дать ногой в лицо злодею или главному герою, как поступила героиня в одном из его фильмов. Я могу лишь смотреть и мечтать быть такой, как та, которая сумела покорить сердце Майка.

– Могла бы я понравиться тебе? – беру фотографию с полки. – Ни Майку… Его сердце принадлежит Дине. А Егору Саматову? Тебе? Тебе настоящему?

«А я думал, что ты влюблена в меня, – очаровательно усмехается Майк. – Что ты знаешь о нем настоящем? Только то, что он – это не я? Ты ведь, понимаешь, глупая, что не все двери в мире открываются? И одна из них – дверь в его жизнь».

– Знаю… Но они сумели справиться. Он обещал ей, что она сможет открывать любые двери в мире.

«Он ее любил… Поэтому и давал такие смелые обещания. А тебя? Ведь он даже не догадывается о твоем существовании. Таких, как ты, миллион, а он…»

– Знаю… можешь не продолжать, единственный. Егора Саматова знают во всей стране, возможно, он скоро станет известен во всем мире. А я… Сколько человек знает обо мне? Наберется, наверное, сотня, если считать всех тех с кем я кода-то ходила в садик, училась в школе и институте, но с кем не общаюсь и кого сама не помню и не узнаю, встретив случайно на улице. Да уж… Ты, как всегда, прав, Майк. Некоторые двери невозможно открыть.

Я нежно касаюсь пальцами его лица, губ, и, вздыхая, прячу фотографию в книжный шкаф. Скоро в гости придут подруги. И пусть, все в курсе моей симпатии к актеру Егору Саматову, но никто не должен догадаться, что моя симпатия, всего лишь маска для самой безнадежной любви на свете.

Глава 2

Вот так сходят с ума…

Когда я это осознала? Если быть точной и честной, то два года назад, когда впервые поставила фильм на паузу и образ Майка, красивый и завораживающий, замер на экране. Словно со стороны, вижу, как мои пальцы тянутся к монитору, касаются его лица, волос, проводят по губам, пытаясь почувствовать тепло улыбки, заставившей трепетать мое сердце. Потрясающая улыбка. Незаметно для самой себя хватаю в крепкие объятия плюшевого медведя, и, покусывая тряпичное ухо, продолжаю просмотр фильма, безумно радуясь, что впереди выходные, и я смогу любоваться его улыбкой на протяжении сорока восьми часов – во сне и на яву.

В моей жизни «Во лжи» стал первым фильмом, который я бесчисленное количество раз ставила на паузу, любуясь красивым лицом героя; перематывала назад, повторно переживая понравившиеся моменты; рыдала в голос, сочувствуя герою или кричала на тех, кто причинял ему боль, искренне радовалась в счастливых моментах и завидовала героине, мечтая оказаться на ее месте. С каждым кадром я все глубже погружалась в кино, и, уже не отличая реальность от вымысла, проживала жизнь героев, как свою собственную. Ощущая себя внутри экрана, я кричала на всю комнату: «Майк, беги!», «Дина! Идиотка, не стреляй!», «Это же Майк! Неужели, ты не узнала его?!» будто и вправду могла исправить ситуацию, грозящую провалом миссии главного героя или его отношениям; или отпинать капитана «Урод, как же ты можешь с ним так поступать!»; придти к Проку-

рору и сказать: «Отпусти, не пытайся поймать Майка. Ты же, знаешь, он поступает правильно!». Я будто черный ангел судьбы, кружила над Майком и Диной, зная, что не могу вмешаться, что все будет так, как написано в сценарии, страдая от безумного желания все изменить, изгнать боль из глаз Майка и увидеть его поцелуи с Диной, услышать признания в любви, чтобы потом было «долго и счастливо».

Не знаю, как смотрят кино другие, но я всегда смотрю со стороны, оценивая картинку в целом, не испытывая глубокой симпатии к персонажам, никогда не пересматриваю по несколько раз. Или через долгое время, когда понимаешь, что на этот раз можешь увидеть любимую историю по-другому и найти в ней новые моменты, не прожитые и не понятые при первом просмотре. Обычно, я проникаюсь самой историей, в которой персонажи являются лишь многоликим отражением автора, проводниками эмоций и чувств, для более полного раскрытия сюжета и создания атмосферы, и чем лучше играют актеры, вживаясь в образ, тем красивей и насыщенней выглядит история. Но в том фильме главной была не история, а ее герой. Я словно смотрела воспоминания дорогого мне человека, записанные на кинопленку, и была готова смотреть бесконечно, лишь бы не отпускать его из своей жизни. Пусть он с другой девушкой (ведь, она лучше, чем я; и поэтому, по праву лучшей, заслуживает быть вместе с ним), это не имеет значения. Главное – он улыбается и счастлив.

Потом были другие фильмы, в которых истории тоже не имели значения. Только он. По-прежнему красивый, с самыми потрясающими глазами на свете и очаровательной улыбкой. В новой истории у него было новое имя, новая судьба, новая любовь. Он сам был новым, и все же, тем же самым Майком, с добрым сердцем, способным любить глубоко и бесконечно. Я все больше убеждаюсь в том, что вымышленные персонажи лишь экранное воплощение актера Егора Саматова. Отказываюсь смотреть или читать интервью и передачи с ним, больше всего боясь осознать, что Майка из фильма «Во лжи», генерала из «Сквозь время», Антона из «Империи», Игоря из «Кукловода» и других, просто не существует. Я не хочу в это верить. Поэтому, я буду рисовать портреты Майка, и прятать его фотографию от родных и подруг.

«И от самой себя», – мог бы добавить Майк.

Да, я так делаю. Вынимаю снимок из рамки, и прячу в первой попавшейся книжке, в надежде прийти в себя, вернуться к реальности и понять, что любовь к несуществующему мужчине не сделает меня счастливой и не изменит мою тусклую и однообразную жизнь. А через некоторое время, в дикой панике переворачиваю весь книжный шкаф, так как без его фотографии, поставленной на прикроватную тумбочку и защищающую от ночных кошмаров, собственная жизнь, выкрашенная в темно-серый цвет, кажется и вовсе невыносимой.

«Да, ладно, ты как всегда преувеличиваешь. У всех такая жизнь». – Майк садится передо мной на корточки, взяв мои холодные руки в свои.

– Серая? Однообразная? В которой на протяжении десяти лет ничего не происходит? Ничего не меняется? – отвечаю я грустно, пытаясь сдержать слезы, обиду и злость. На саму себя. На собственную никчемность.

«О-о. Опять преувеличиваешь. – Майк ласково щелкает меня по носу и насмешливо улыбается. – Почему не происходит? Каждый день…».

– Ой, неттт! Прошу не надо говорить про работу, рисование и так далее и тому подобное, а так же о том, что я сама превратила свою жизнь в путь следования «Дом-работа-дом». Ты же знаешь, все мои подруги выросли, вышли замуж, родили детей. И не надо – найди новых подруг, друзей, интересуйся чем-то, кроме сериалов, выходи из дома, развлекайся, ищи новых знакомств и приключений. Все в твоих руках.

«Ну вот, ты сама все знаешь. – Он садится рядом, обняв меня за плечи. – Ты все можешь изменить. Сама. Для этого тебе не нужен Майк. Или Егор Саматов».

– Нужны…

«Потому что ты не хочешь ничего менять? На самом деле?»

– Хочу…

«Что именно? – Он отстраняется от меня и заставляет по-

смотреть себе в глаза. – Что именно ты хочешь изменить?»

– Свою жизнь…

«А его? Жизнь Егора ты тоже хочешь изменить?»

– Его? Разве такая, как я, может изменить чью-то жизнь?

И на этой грустной ноте, я выключаю Майка, спрятав фотографию в тумбочку. Даже не попрощаюсь, не буду в сотый раз смотреть фильмы с ним. К тому же вышла новая серия «Дневников вампира». Может влюбиться в Деймона Сальваторе? Как будто это так просто. А еще два года назад я думала, что не способна влюбиться.

А ты и не влюбилась, ты просто сбежала, – ехидничает подсознание голосом самого симпатичного вампира на свете.

Глава 3

«Просыпайся, дорогая», – чарующей музыкой звучит голос Майка.

– Серьезно? Ты уже и роль будильника исполняешь? – Переворачиваюсь на живот и накрываю голову подушкой. – Не хочу!

«Не капризничай, моя хорошая. Уже обеденное время, просыпайся!»

– Не хочу! – швыряю подушку, предположительно в Майка, и резко сажусь на постели. – И как я могла до такого докатиться? – со слезами жалости смотрю на Майка сидящего по-турецки на подушке, приземлившейся в центре комнаты.

«Ну, вот опять! Может, хватит ныть? Ты все время делаешь одно и то же – то жалеешь себя, то ругаешь. Придумай, что-нибудь новенькое для разнообразия, а то мне становится скучно».

– Какой привередливый, – со вздохом достаю фотографию Егора Саматова из тумбочки. – Доброе утро, – целую снимок и ставлю обратно, нежно проведя большим пальцем по красивому лицу.

«Эй, я требую равноправия! Ему значит «доброе утро» и поцелуи, а мне подушкой по физиономии!»

– Отвали, – бурчу я, встаю и иду в душ. – Почему я не могу захлопнуть дверь у тебя перед носом? Толку от тебя никакого. Ни музыку включить, ни кофе сварить, а о завтраке в постель я вообще молчу.

«Завтрак в постель такой же миф, как и скатерть-самобранка».

– Умеешь утешить. И вообще «исчезни». – Любимый отгоняющий жест Президента из «Повелителя солнца» мне удается все лучше.

Черт, раньше я рисовала в воображении встречи и свидания с Егором Саматовым, придумывала о чем бы мы могли говорить, как проходили бы наши дни вместе. А теперь мне кажется, что Майк и вправду поселился в моей голове. Все труднее сознавать, что это лишь внутренний голос в образе Майка, и забываясь, болтаю с ним, как будто он и в самом деле настоящий. И мне это уже не кажется не нормальным.

Завтракаю под серию из «Сердца Дикси», а потом занимаю пост Майка на подушке в центре комнаты. Смотрю на картину, установленную на мольберте, на вещи, небрежно брошенные на диване, недельный слой пыли на подоконниках, стенке и комоде, пожелтевшую от жажды драцену.

– Самое худшее для одинокой девушки – это выходные дни, выпадающие на будни. – Я обхватываю себя руками за колени, кладу на них подбородок. – Все работают, племянники в садике, в голове ни одной картинки, даже ты ушел.

«Размечталась, – вижу Майка сидящего напротив. – Мне, как и тебе, идти некуда. Я заключенный с пожизненным сроком в твоей голове и мое единственное развлечение это глупые игры твоего незрелого разума. А ты, как всегда все портишь, сидишь в четырех стенах, смотришь в пространство и жалишься. И почему мне так не повезло?»

– Серьезно? Это я виновата в том, что тебе скучно?

«А кто же еще? Если бы я был самостоятельной личностью, я бы давно нашел себе развлечение. Пошел бы в спортзал, учился бы танцевать, играть в теннис, гонял на мотоцикле, каждый день обедал бы в кафе, ужинал у родителей или сестры, забирал близнецов из садика и гулял бы с ними в парке, и, говорят, у нас хороший театр, а ты до сих пор меня туда не сводила. Пойдем, хоть в кино сходим, а?»

– Почему я не ты? – с неохотой встаю, вывожу ноутбук из спящего режима, чтобы посмотреть расписание сеансов.

«Самое забавное, что я – это ты. Вопрос в другом, почему

ты не делаешь ничего из выше перечисленного и много другого? Даже в этом маленьком городке есть множество способов провести свой досуг вне дома и не всегда это дорого, да и ты неплохо зарабатываешь. В чем причина?»

Если бы я знала ответ. Смотрю фильмы, идущие в кинотеатре, расписание сеансов. «Обливион» с Томом Крузом через два часа. Вполне подходит.

«Эй, Майк на связи. Таня Алфеева, ответь».

Продолжаю игнорировать Майка, расчесываю и сушу длинные золотисто-русые волосы, затем заплетаю их в привычную косу. Наношу легкий дневной макияж, одеваюсь. Синие джинсы, светло-серая водолазка, черная куртка из искусственной кожи и черные ботиночки без каблука.

«Внешнее одиночество всегда обусловлено внутренней пустотой души. Отказавшись от самой себя, ты отреклась от всего мира, а теперь прячешься и винишь весь мир за то, что ни кому не нужна. Это несправедливо».

Рассматриваю себя в зеркало. Сложно быть объективной к собственной внешности. Знаю, что не красивая в классическом представлении, но природа наделила меня стройной и изящной фигурой при росте 160 сантиметров, длинными густыми волосами, чистой кожей, миловидными чертами лица и большими ярко-серыми глазами. Меня можно назвать симпатичной, а многим нравится моя «открытая улыбка», «загадочный взгляд» и «милые» ямочки на щеках. Я из тех девушек, которые осознают свою привлекательность, но пред-

почитают считаться «простушками» из-за неброского стиля одежды, робкой улыбки и внутреннего стремления не выделяться из толпы. Мужчины существование таких девушек обычно замечают только, когда джинсы, рубашки и кеды заменены короткими модными платьями и высокими шпильками, волосы распущены по плечам, глаза сверкают, а на губах сияет улыбка.

– Справедливость такая же ложная социальная установка, как и мир во всем мире, – говорю я, беру рюкзак и ключи.

«Ого, где ты такой гадости набралась? И почему злишься?»

– Потому, что я ненавижу, когда мне лишний раз напоминают, что я несчастна! Я достаточно долго прожила одна, чтобы не путать эти понятия. Истинное одиночество это вовсе не внешняя пустота, обусловленная отсутствием близких людей, а свобода от чужих стандартов и ожиданий, свобода быть самой собой. Но со временем понимаешь, что такая свобода хуже рабства, так как предназначение человека в том, чтобы отдавать свои знания и открытия другим людям, а не копить их, раскладывая по полочкам в своей голове, иногда стирая с них пыль, или вовсе забывая, положив в самый дальний ящик. И когда тебе не с кем разделить печаль или радость, ты превращаешься в сухое сморщенное существо, ни человек, ни животное, ни растение, просто отвратительное нечто, поедающее само себя.

«Ты сейчас описала Голлума из «Властелина колец», –

смеясь, говорит Майк.

– Моя прелесть, – передразниваю я, выхожу из квартиры, захлопываю дверь. – Как думаешь, почему он сошел с ума? Именно. От одиночества.

«Передергиваешь. Колечко было волшебное, вот и помутило светлый разум доброго и милого хоббита».

– Как обычно, ищем причины во враждебном окружающем мире, а не в самих себе.

«Так поступают все люди, – Майк равнодушно пожимает плечами. – Проще обвинить во всем «сложные жизненные обстоятельства», а не собственную неспособность принимать ответственность за совершенные поступки или отсутствие оных».

– Я все это понимаю, как и то, что одиночество само по себе полезное явление. Не оно делает меня несчастной, а собственная неспособность быть счастливой или точнее не знание того, что сделало бы меня счастливой. Иногда я думаю, что ты, а потом понимаю, что любовь это всего лишь начинка для пирога. А вот что есть сам пирог? Это остается для меня загадкой. Все, молчи.

Я запечатываю уши наушниками. Улыбаюсь соседке с первого этажа, смотрящей на меня глазами, выпученными от крайнего удивления. Уж, простите дамочка, не всем быть нормальными и довольными жизнью, некоторым для счастья нужны воображаемые друзья. Напевая *Burning Desire* Lana's Del Rey иду на остановку. Любуюсь серым весенним пейза-

жем из окна маршрутки. После покупки билета, возвращаюсь в гипермаркет побаловать себя сухариками и соком. Под аккуратный хруст и красивую музыку погружаюсь в фантастическое «Забвение» Джозефа Косински.

Через два часа я медленно выхожу из полутемного зала, в голове все еще вертится бесчисленное множество Джеков Харперов и Викторий, звучит красивый саундтрек в исполнении M83. Поглощенная размышлениями о фильме, я сажусь за столик одного из кафе в холле кинотеатра.

Как часто людям кажется, что они живут не своей жизнью, что они не те, кто есть на самом деле? Конечно, все мы притворяемся, надеваем маски и играем чужие роли по собственному выбору; не по принуждению, а из страха быть не принятыми другими людьми. Отказываемся от своей истинной сути, чтобы провести оставшиеся годы с ощущением того, что проживаем чужую жизнь и в ожидании, что однажды в наш серый мир ворвется тот самый человек, разбудит память и вернет настоящую жизнь. Но, к сожалению, мы не герои фантастических фильмов, которым суждено спасти планету от вселенского зла, а самые обычные люди, не способные спасти самих себя, найти свое собственное «я».

Знакомый голос возвращает меня к реальности. Я поднимаю взгляд и вижу красивую пару за одним из соседних столиков. Симпатичный блондин и красивая брюнетка с улыбкой Джулии Робертс. В одинаковых джинсах, кроссовках и спортивных куртках. Они смеются, когда кусочек пирожно-

го, которым девушка пытается накормить Женю, падает на стол. У нее потрясающий красивый смех. Он смотрит на нее с восторгом и любовью. На меня он так никогда не смотрел.

«К счастью для меня» – усмехается Майк.

Я наблюдаю за ними из-под ресниц, стараясь не привлекать к себе внимания. Стоит ли подойти, заговорить? Или это будет неприлично? Сомнения разрешаются сами собой. Почувствовав мой взгляд, Женя оборачивается, с улыбкой машет рукой, затем встает и идет ко мне.

– Привет. Рад тебя видеть. – Наклоняется, целует в щеку, растапливая теплым дружеским прикосновением ощущение скованности и неловкости.

– Привет. Я тоже. – *На самом деле*. – Твоя новая девушка?

– Да. Леночка, – говорит с гордостью. – Мы вместе уже четыре месяца. А ты с кем-нибудь встречаешься?

– Пока нет.

– Все ждешь своего единственного?

– Да.

– Надеюсь, ты встретишь его, – Женя ласково сжимает мои руки, лежащие на столе, и серьезно добавляет: – Спасибо. – Я замечаю, что он сильно изменился. Выглядит старше, но не за счет первых морщинок и чуть заметных складок усталости вокруг тонкого рта, другим стало выражение голубых глаз, из которых ушла былая беспечность, сменившись некоторой жесткостью и решительностью.

– За что? – делаю вид, что не понимаю, пряча улыбку.

– За то, что бросила тогда, – в глазах Жени на мгновение мелькает грусть, и я впервые осознаю, что ему наш разрыв принес намного больше боли, чем мне.

– Говорила же, что скажешь «спасибо», – пытаюсь отшутиться я.

– Нет, не говорила, – Женя снова серьезен. – Знаешь, я очень долго злился, не мог понять сказанных тобою слов.

– Пока не встретил ее?

– Да… Благодаря Лене я сильно изменился. Стал лучше. И мне это нравится. Мне нравится, каким я стал с ней. Теперь не могу поверить, что до нее было иначе. А до нее была ты… Прости меня.

– Мне не за что тебя прощать, – широко улыбаюсь. – Думаю, теперь и тебе тоже. Только благодарить. Даже знаю, как. – Я подмигиваю. – Сделаешь подружкой жениха?

– А такая должность существует? – смеется он одними глазами.

– Какая разница? Ради такого случая можно и придумать.

– Тогда мы ее придумаем. Обещаю.

– Я запомню.

– Окей. Пойдем знакомиться с невестой? Мы с Леной угощаем.

Одновременно смотрим на Лену, все это время наблюдавшую за нами. Она кивает, призывно машет руками, присоединяясь к Жениному приглашению. Странно, но нет ощущения неловкости, мне интересно и приятно общаться с Ле-

ной и Женей, как будто встретила старых друзей, которых не видела несколько лет.

Глава 4

«Сохранила портреты всех своих мужчин. Удивительно. – Смеется Майк, и, встав за моей спиной, властно обнимает за плечи, словно не желая, чтобы я подходила к расставленным у стены картинам ближе, чем на метр. – Ну… Они честно демонстрируют твой рост, как художницы. На первом ты такая неуклюжая… словно, кисточку держать не умеешь или боишься. Сколько тебе лет? Шестнадцать?»

– Нет, девятнадцать. – Я улыбаюсь, вспоминая нескладного рыжего парня, напоминавшего мне добродушного пса породы спаниель. Может из-за добрых глаз и открытой улыбки, а, может, из-за того, как он радостно бежал ко мне при встрече. – Он был очень милым. Мы все время смеялись, ни разу не поругались…Точно, я не помню, чтобы мы ссорились.

«Тогда почему вы расстались?»

– Именно поэтому. Мы встречались, если считать с начала знакомства, восемь месяцев. Нам было вместе весело и только. Мы не выясняли отношений, так как нам было наплевать на чувства, мысли и мечты друг друга. И, когда умер его отец, мне тоже было наплевать. Вместо того чтобы поддержать его, помочь, я все время злилась из-за того, что он стал скучным, неинтересным. Мы даже не расставались по-настоящему, просто перестали общаться и все.

«Ты была юной и глупой, – с притворным ободрением говорит Майк, похлопав по плечу. – А этот? Почти красавчик. Но глаза. В них есть что-то, мерзкое и грязное, что ли? Как ты могла с таким встречаться? Или… Может это твой самый неудачный рисунок?»

– Да уж, пришлось помучиться, – вздыхаю я, с грустью глядя на портрет красивого темноволосого мужчины. Я пыталась изобразить его задумчивым, каким увидела впервые, но он получился отстраненным, с застывшим в зеленых глазах злым выражением. – Ты верно подметил. Я рисовала глаза миллион раз, по фотографиям и в живую, но их выражение было так трудно уловить. Наверное, потому что я очень плохо знала этого человека. Мне было двадцать два, он на десять лет старше. Дважды разведен. От первого брака двое детей. Мое глупое сердце было покорено красивыми словами и дорогими жестами. Первые пять месяцев я жила словно в сказке, а следующие шесть, словно в аду. Он ограничил мою жизнь только до самого себя, я не видела ни подруг, ни родных. Я убегала пять раз, но он все равно меня находил и возвращал, со скандалами или с силой. Он постоянно унижал меня, стараясь раздавить, как женщину и как личность. И если в начале знакомства мое сердце таяло от его комплиментов, то после того, как мы начали жить вместе, оно переворачивалось от его едких и мерзких замечаний, которые касались всего: и моей внешности, и моих взглядов, и моих друзей. А в какой-то момент я почти поверила, что заслужи-

ваю такого парня, как он, что я плохая, а он хороший. Меня спас Сергей – муж Кати, моей старшей сестры. Когда я сбежала в шестой раз, а он нашел меня в кафе и на глазах у всех, крича, хватая за руки, попытался увезти, Сергей его избил до полусмерти, потом поехал и привез мои вещи. Вот так.

«Печально. Жаль, что тебе пришлось повстречать на своем пути такого урода, но, надеюсь, это научило тебя быть более разборчивой в парнях», – Майк нежно трется подбородком о мою макушку.

– Какой ты добрый, – смеюсь я. – На самом деле нет, но и плохих парней мне, к счастью, больше не встречалось.

«Ты хочешь сказать, вот этот колобок и, вправду, хороший парень? – Майк брезгливо махает рукой в сторону третьего портрета, на котором изображен упитанный парень с короткой стрижкой, круглыми щеками и узкими карими глазами. – Хотя, как портрет, он явно самый лучший. Более живой и ассоциативный. Есть в нем что-то поросячье».

– Не преувеличивай. Кстати, этот портрет я рисовала уже после разрыва. Когда мы встречались, он был накаченным мальчиком и все девчонки сходили по нему с ума. Ему это безумно нравилось. Точнее, он нравился сам себе. Иногда, это было очень даже забавно. Пока не стало страшно. В своем желании покрасоваться, он иной раз переходил все границы разумного.

«Не нравилось быть в тени?»

– Да нет… Хотя, иной раз, я и чувствовала себя толстой

дурнушкой, но дело не в этом, а в его неадекватном стремлении быть лучшим во всем. Он соревновался со мной, со своим братом, друзьями, а мне это было не нужно. Я выдержала четыре месяца и приняла решение расстаться. Он умолял меня вернуться, чтобы через неделю бросить самому. Помню, как смеялась, когда разгадала его маневр. А еще через неделю, он попал в страшную аварию, говорили из-за того, что попытался кого-то подрезать или обогнать. Девушка, ехавшая с ним, погибла, а у него начались серьезные проблемы со здоровьем. Думаю, он до сих пор винит себя в ее смерти. Мы видимся иногда, но никогда не обсуждаем ту аварию. Я рисовала его как друга, а ни как бывшего парня.

«Умеешь, ты выбирать мужчин, – вздыхает Майк, поцеловав меня в висок. – А ведь на месте той девушки могла быть ты».

– Да. Я много об этом думала в то время, радовалась, что не знала ее. Как бы эгоистично это не звучало.

«Это нормально. Больше всего на свете люди боятся боли и пытаются избежать ее всеми возможными способами. И не все из них красивые. Пусть мои слова тоже прозвучат некрасиво, но я рад, что это была она, а не ты и, что тебе все-таки хватило ума бросить этого парня. Ах, да, а последний чем тебе не угодил? Неужели и, вправду, из-за меня?»

– Вот еще, – презрительно фыркаю я. – Но частично да, из-за тебя. Просто… Посмотрев «Во лжи», я осознала с каким мужчиной буду по-настоящему счастлива. И, чем боль-

ше я об этом думала, тем лучше понимала, что Женя не тот мужчина.

«Не правда… – Майк отпускает меня и встает лицом ко мне, заставляя смотреть себе в глаза. – Дело не в Майке. Не в том, какой он мужчина, а в том, **как** он ее любил. Его любовь к Дине покорила тебя».

– Нет-нет, – я отвожу взгляд, качаю головой. – Таких историй великое множество. Он или она готовы на все ради спасения жизни любимого. Что в этом необычного?

«Здесь, ты права. Да, сюжет немного банален, впрочем, идеальный главный герой отчасти тоже. Но, что отличает Майка от других заштампованных персонажей? Он готов защищать не только жизнь Дины, но и ее душу и сердце. Ему невыносима сама мысль о том, что из-за него Дина может плакать. Он спасает ее не только от отца и других плохих парней, но и от самого себя».

– Есть такой момент, – вздыхаю я. – А Жене было все равно плачу я из-за него или у меня плохое настроение. Ему вообще было наплевать на все мои желания и просьбы. «Если тебе не нравится что-то, делай сама. Я не собираюсь ущемлять себя из-за твоих глупых прихотей. Жертвы в отношениях не приемлемы по определению. Иначе равноправие и взаимоуважение превратятся в доминирование и подчинение». Смысл его излюбленного утверждения я осознала не сразу. Получается, что в его представлении, отношения – это союз двух личностей, каждая из которых вращается по своей

собственной орбите, и сход с нее, орбиты, в сторону другого – это ущемление личных интересов и подношения себя в жертву. Как-то холодно и отстраненно, любовью вовсе не пахнет.

«А как, по-твоему, пахнет любовь?» – усмехается Майк, стараясь не показать, как его забавляют мои наивные рассуждения.

– Любовь вообще не имеет запаха, цвета, или вкуса. Любовь – это то, что представляет из себя сам человек. Поэтому, она такая разная и для каждого своя.

«В этом есть определенная логика, – он с притворной серьезностью кивает головой. – Но, все же, что ты сказала ему при расставании?»

– Знаю, Женя думал, что влюблен в меня, по-настоящему. Он все время это повторял, хотя мы были вместе только полгода. В тот вечер он хотел сделать мне предложение. Странно, не находишь, девушки всегда знают, когда парни собираются подарить им колечко. Все было, как полагается. Свечи, романтический ужин. Я увидела кольцо на дне бокала, но вместо того, чтобы выпить шампанское и сказать «да», я спросила: «ты готов ради меня измениться?». Я помню, как Женя нахмурился, как потемнели его глаза. Он не понимал, ведь наши взгляды во многом совпадали, в том числе и на отношения с их непринятием жертв. Но дело в том, что понимание «жертвы» у нас было разное. Вот и все. И естественно Женя ответил, что «нет, не готов, и ты это знаешь». Тогда

я сказала, что не могу быть с ним, так как для создания гармоничных отношений, люди должны быть готовы меняться и развиваться в них, если нет, то расставание неизбежно. И ушла.

«Как же с тобой сложно, милая, – Майк обнимает меня, я прижимаюсь к его груди. – Теперь, понятно, почему ты влюбилась в меня. Осознав, что не сможешь встретить мужчину способного полюбить тебя так, как ты этого хочешь, ты сбежала в несуществующую любовь. Это клиника».

– Знаю, но что теперь…

«Посмотрим «Во лжи» в сто первый раз? Или «Сквозь время»?» – беззлобно поддразнивает Майк.

– Точно, – соглашаюсь я, со вздохом убирая рисунки в папку.

Диалоги с Майком вместо обычного самоедства становятся все более привычными. И если честно, нравятся мне все больше. Долгое время смотрю на Женин портрет, прежде чем закрыть папку. Я поступила правильно, расставшись с ним. Если не для себя, то для него. Черт, как же хорошо сознавать, что ты совершила добрый поступок!

Глава 5

«Вот только жизнь добрыми поступками не ограничивается», – вдруг говорит Майк.

– А чем тогда? – удивленно спрашиваю я, оторвав взгляд от странички группы, посвященной творчеству Егора Сама-

това.

«Она ничем не ограничивается».

– Ты, вообще, о чем сейчас?

«О тебе, конечно. О чем я еще могу говорить? Все темы наших разговоров сводятся к тебе».

– Ой, не ворчи. И, кстати, это логично. Я думаю о тебе, ты говоришь обо мне. У влюбленных так и должно быть.

«Боже! У влюбленных! Все-таки я был прав, твоя проблема – абсолютная зацикленность на себе и собственных переживаниях. Ты даже влюбиться умудрилась в саму себя!» – Майк раздраженно всплескивает руками и подходит к окну, будто можно увидеть что-то интересное в обветшалом доме напротив.

– Что? В саму себя?! Что за бред…

Я убираю ноутбук с колен и встаю рядом с Майком. Жалюзи и занавески скрывают сотни чужих миров. Возможно, в доме напротив тоже кто-то стоит у окна, смотрит и о чем-то думает, принимает одно из самых важных решений в своей жизни или совершает очередной глупый поступок, а, может, просто о ком-то скучает, или ненавидит. А, возможно, никто не смотрит в окно, потому, что большинству людей не интересна жизнь за пределами их собственной квартиры, их маленького внутреннего мирка, ограниченного страхами и бессмысленными переживаниями, важными только им самим, но не другим людям.

«А разве ты не одна из них?»

– Я?! Я нет… я другая… я…

«Вот именно «я»! Ты даже не можешь сказать о себе ничего хорошего!»

– Но и плохого тоже… О, ты, как всегда, прав. Я, что называется, ни рыба, ни мясо. Ни совершаю, ни добра, ни зла.

«А нейтралитет, как тебе известно, самая худшая позиция».

– Не уверена, что это так. Скорее, самая бесплодная.

«Нет, тоже не верно. Нейтралитет это точка перехода от добра к злу. Ведь, не совершая ни каких действий, ты в итоге не совершаешь и добрых поступков, а, значит, способствуешь распространению зла».

– Говорил Икабод Крейн из «Сонной Лощины», цитируя важного политика. Кажется. Да, я знаю, что мир сложная штука, – вздыхаю я, вычерчивая невидимые узоры на стекле. – Но я, как Бо[1]*, все же не желаю выбирать сторону.

«Эй, ты чего, она же в четвертом сезоне выбрала сторону тьмы!»

– Точно, сама того не сознавая. Я поняла, что так будет с самого начала. Логичное развитие сюжета. Хорошая девочка, сознающая в себе силу и власть, хочет быть доброй, но так как достаточна умна, то понимает, что любая власть несет в себе зло изначально, поэтому старается быть нейтральной. Спрашивается, что склонило ее к злу? Внутренняя чернота,

---

[1] * Бо – главная героиня канадского сериала *Lost Girl* известного в России под названиями «Зов крови», «Потерянная» и «Фэйри».

которую она все время пыталась в себе подавить? Ведь, совершая зло, даже во имя добра, ты все-таки подпитываешь свою темную сущность, не так ли? Или внешняя борьба добрых и темных сил, жаждущих вливания новой крови?

«Думаю, в пятом сезоне мы узнаем ответ, – смеется Майк, и накрывает мою руку своей. Странное ощущение – снизу ладони холод от стекла, а сверху тепло от его руки. Наверное, так, согревается замерзшая душа, впервые почувствовавшая прикосновение любви. – Ты, как всегда ушла от темы. Почему ты заперла свое тело в четырех стенах, а сердце в любви к несуществующему мужчине?»

– Не правда! Он существует! – Я отдергиваю руку. Смотрю на отпечаток ладони на стекле. Нечеткий, расплывчатый, как я сама.

«Да, но не для тебя. И не он, а твое представление о нем. Но это тоже неважно. И будет неважно через следующие два года, и через пять и десять лет. Ты так и будешь смотреть фильмы с ним и думать, что такая, как ты, не способна изменить чью-то жизнь, – он горько улыбается, берет ноутбук и протягивает мне. – Садись, смотри очередную серию».

– А, думаешь, могу? – я прячу руки за спину, упрямо трясу головой. – Я свою собственную жизнь изменить не могу. Все одно и тоже, все время одно и тоже – дом, работа, рисование, сериалы, фотография. Ну, иногда, на несколько месяцев в моей жизни появляются мужчины, которым на самом деле я не нужна и, которые не нужны мне.

«А что тебе нужно? Мужчина как Майк? Тогда ты будешь счастлива? Сколько женщин мечтали найти свою любовь? И они находили ее, но были ли они впоследствии счастливы?»

– Вероятно, нет… Но чаще всего женщины мечтают найти только любовь, или, то, что они считают любовью, или даже, то, что принято называть любовью. Хотя, думаю, это касается и мужчин. Люди ищут лишь само чувство, а не конкретного человека, которого они смогли бы полюбить. Поэтому, после, когда ослепление любовью проходит, остается только разочарование и боль. Чувств больше нет, но человек остался. И с этим человеком надо жить. Можно уйти. Но тогда надо набраться где-то смелости и признаться самому себе, что ты никогда не любил. И услышать, что тебя тоже никогда не любили. А это страшно и больно. Поэтому большинство людей и прикрывается ложным чувством любви, хватаясь за него, как за якорь спасения. И идут ко дну. По собственной воле.

«Спрашиваю, еще раз, разве ты не одна из них?», – он подходит ко мне совсем близко.

– Наверное… Я не знаю. Я только знаю, что ничего не могу изменить. Потому, что я не знаю, **что** я хочу изменить. Но и выносить это странное чувство неудовлетворенности, постоянно грызущие меня, становится невозможным. Иногда я чувствую, как оно ворочается в груди, слышу, как скулит и плачет. Оно требует. Но я не знаю чего. Не знаю. Обними меня. – И Майк прижимает меня к себе.

«Ответ, если, ты, конечно, задаешь правильный вопрос, когда-нибудь придет сам собой».

– Правильный вопрос, говоришь? – я поднимаю взгляд и встречаю его хитрую улыбку. От такой улыбки его глаза чуть прищуриваются и становятся еще красивее. – Хочешь сказать… не что? А кого?

Продолжая улыбаться, Майк отходит и встает на одно колено, приложив руки к сердцу: «Готова ли ты ради меня измениться?».

– Ох… – Я отворачиваюсь, смотрю в окно. Отпечаток моей ладони уже растаял. Растворился без следа. И люди, люди тоже растворяются без следа. Не все. Кто-то живет в истории, а кто-то в памяти других людей. Жизнь первых приближена к вечности, о них помнят, они влияют на судьбы людей даже после смерти, сквозь века. Жизнь вторых, тех, что живут в памяти самых близких… странно, но их жизнь тоже может быть бесконечной, ведь они, так или иначе могли повлиять или коснуться тех людей, что живут в истории. Просто след таких людей почти незримый, и увидеть его дано лишь избранным. Как те узоры, что я рисовала на стекле. Их не видно, но они есть, ведь я их рисовала. И все же, есть, есть такие люди, которые растворяются без следа – это люди, которые не сумели коснуться ни чьего сердца, и остаться в чьей-либо памяти. И я могу стать одной из них.

«Ответь, пожалуйста», – снова просит Майк, протягивая руки.

Я подхожу, сжимаю его ладони в своих и прикладываю их к сердцу.

– Я попробую… Забавно, я требовала от Жени того, чего не понимала и не хотела сама. Ведь, я, как и он, не хотела двигаться дальше, расти. Вместе и по отдельности. Я хотела всегда оставаться такой, какая я есть. Маленькой неуверенной в себе девочкой, мечтающей о красивой любви, но не способной любить сама.

«Ты была не готова», – улыбается он, и тянет к себе.

Некоторое время мы сидим в молчании, колени к коленям, сжимая руки друг друга.

– Не была… наверно. Я и сейчас не совсем понимаю к чему пришла… Измениться. Ради Егора Саматова. Ради Майка. Но для самой себя. Бессмысленно. И все же… ты прав. Как там говорил Шерлок в «Элементарно»: «Когда исключаешь невозможное, то, что осталось, и есть правда, какой бы невероятной она не казалась». Так? – Я радостно смеюсь, и поднимаю наши руки вверх. – Какие девушки нравятся Егору Саматову?

«Зачем тебе это? Хочешь покорить его сердце и изменить жизнь?»

– Нет… Я хочу нарисовать его портрет. Настоящего. С натуры, что называется.

«Зачем?»

– Что значит зачем? Я уже два года влюблена в него, а рисовала лишь его экранных героев. Разве такой парень, как

он, обратит внимание на такую замухрыжку, как я, и позволит рисовать себя?

«Вообще-то, ты симпатичная».

– Дело не во внешности, ты же понимаешь…

«А ты понимаешь, что снова придумываешь себе оправдания? Зачем тебе рисовать его портрет?»

– Потому что это моя маленькая традиция. Это раз. И к тому же… – Я задумчиво кусаю губу. – Гора, на которую хочет взобраться мое сердце, так высока, что я не вижу ее вершины за облаками. Поэтому, для начала я придумаю оправдание для совершения столь безрассудного поступка. Осмотрюсь, как говорится, на местности… а там уже решу, как быть дальше… И есть ли вообще смысл рисковать.

«Кто не рискует, тот не пьет шампанское».

– Банально.

«От чего не менее истинно».

– Опять же банально… ну и, черт, с ним… весь мир состоит из одних банальностей, и я одна из них. Ну и ладно. Пошли в «Гугл». Осматриваться.

И радостно улыбаясь, я беру ноутбук. Хочешь не хочешь, а с историей жизни и личными предпочтениями Егора Саматова столкнуться все-таки придется. Развенчивание кумиров тоже полезная вещь, пусть и болезненная.

Глава 6

«Слишком больно?» – спрашивает Майк, когда я со сту-

ком закрываю ноутбук, и устало вздохнув, прячу лицо в ладонях.

– Если страх считать болью, то да. Очень-очень, – говорю я, потирая покрасневшие глаза. Шесть часов за компьютером. Да уж, моему желудку это тоже не понравилось – недовольно урчит, требуя еды, а не хочется.

«И чего ты испугалась на этот раз?» – Майк ласково улыбается, обнимает меня, даря спокойствие и тепло, прогоняя бессмысленные страхи.

– Его мира…

Егор Александрович Саматов родился 22 июня 1986 года в Москве в семье известной актрисы Аллы Иннокентьевны Деминой и Александра Ивановича Саматова, композитора и заслуженного деятеля искусств РФ. В детстве серьезно занимается танцами, вокалом и игрой на фортепьяно, впоследствии увлекается боевыми искусствами. В возрасте 15 лет во время школьной драки получает серьезную травму ноги, в результате чего ему приходится оставить мечты о спортивной карьере. После выздоровления Егор переводится в школу с углубленным изучением английского языка. Окончив школу с золотой медалью, Егор по настоянию родителей пробует поступать в Дипломатическую Академию Иностранных Дел, но после первого экзамена забирает документы и поступает в Высшее театральное училище имени М.С. Щепкина в мастерскую Ю.М. и О.Н. Соломиных, ко-

торую заканчивает в 2007 году. Со второго курса актер начинает регулярно сниматься в кино. В 2006 получает свою первую награду «Белый слон» за лучшую мужскую роль. В 2009 году награда в номинации «лучшая мужская роль» на открытом российском кинофестивале «Кинотавр». В 2010 – лауреат премии Национальной академии кинематографических искусств и наук России «Золотой орел» в номинации «лучшая мужская роль» за фильм «Во лжи». В 2012 году номинирован на премию «Ника» за главную роль в фильме «Сквозь время». В настоящее время играет главные роли в спектаклях государственного академического Малого Театра России и снимается в кино, ходят слухи о приглашении в Голливуд. О личной жизни актера, которая тщательно скрывается, ничего неизвестно, но с выходом каждого нового фильма или спектакля, его имя связывают с актрисами, исполняющими главные роли. Чаще всего Егору Саматову приписывают романтические отношения с Мариной Ольшанской, игравшей вместе с ним в двух последних спектаклях. А в 2010 году, после выхода «Во лжи» желтая пресса весь год твердит о его помолвке с актрисой Надей Бердяевой (сыгравшей роль Дины), упорно игнорируя официальное заявление актеров о том, что они просто очень хорошие друзья. Не смотря на плотный график и сильную занятость, актер выделяет время для участия в благотворительной деятельности. Поддерживает теплые отношения с родителями и старшей сестрой Аленой.

– Мне нет места в его мире, – я отстраняюсь от Майка. – Видимо, я совсем спятила, решив, что смогу прикоснуться к его жизни… Исчезни. Я буду ужинать.

И, чтобы выгнать Майка из головы, я открываю ноутбук. Любимый сайт «Filmix» для просмотра сериалов on-line. О, замечательно. Новая серия «Однажды в сказке». Включаю звук погромче, чтобы лучше слышать, пока готовлю макароны и салат из свежей капусты и морковки. Хочется какой-нибудь гадости, вроде чипсов и сухариков, с помощью которых я снимаю плохое настроение, как другие алкоголем или никотином, но в магазин не пойду.

Еда кажется безвкусной, а происходящие на экране бессмысленным. И, как можно было додуматься сделать из Питера Пэна главного злодея?

«Ты же знаешь, часто зло прячется под маской невинности. Вспомни, сколько фильмов, да и книг, про детей-убийц», – вдруг всплывает в голове голос Майка.

– Это-то и страшно. Когда, даже на одно мгновение, понимаешь, что не ты сошла с ума, а весь мир. Разве мир, в котором дети убивают, может быть нормальным?

«Хочешь сказать, что взрослый человек в роли убийцы вполне обычное явление?», – усмехается Майк.

– Забавно, – я невольно улыбаюсь. – Да, вполне обычно… потому, что мы привыкли думать, что убийство, это всего лишь разновидность смерти, всего лишь одна из составляю-

щих жизни. Но мне ли судить о нормальности этого мира?

«Почему нет? Чем ты хуже других?»

– Ни чем, но и не лучше. Мы же об этом говорили.

«Да, но сейчас я хочу рассмотреть данный вопрос в другом ключе», – Майк усаживает меня на стул, а сам встает рядом, прислонившись бедром к столешнице.

– Хочешь, чтобы я сказала, что ни чем не хуже Егора Саматова и его потенциальных подруг?

«Десять баллов за догадливость!»

– Иди ты… Ты ведь, понимаешь, что дело не в том, кто хуже, а кто лучше, а в его успешности. Ему двадцать семь, он на год младше меня. О нем знает вся страна, он обладает множеством наград и номинаций, талантлив, имеет много увлечений, друзей и знакомых, причем большинство из них так же успешны. Его жизнь феерия красок и событий, а моя серости и однообразия. Нет… это нереально… Все равно, что составлять композицию из роз и фиалок. Каждый цветок прекрасен, но вместе они абсолютно не смотрятся. Ни при каких условиях.

«Ох… Ты же сказала, что хочешь нарисовать его портрет, а не завоевывать его сердце», – Майк вопросительно поднимает брови вверх.

– Да, точно… портрет, – с ноткой печали вздыхаю я. – Правильно, разве такая скучная девица, как я, сможет заставить дрогнуть сердце такого парня, как Егор Саматов? В его жизни постоянно происходит что-то новое, интересное, вол-

нующее, в том числе и знакомство с самыми красивыми и интересными женщинами страны, да и мира, ведь его труппа часто выезжает на гастроли заграницу, а я… только в Турции и Египте была. Хоть где-то – звучит убого. Даже английского не знаю. Танцевать не умею. Спорт? Ну ладно, хотя бы зарядку делаю, а он увлекается боевыми искусствами. Петь? только если надо будет кому-нибудь вскрыть барабанные перепонки. Награды… я даже в интернет свои картинки выложить стесняюсь. Никто и никогда не говорил, что я талантлива. Фотографии… таких фотографов, как я, сколько угодно, поэтому, я и не снимаю профессионально. Да и чего вдруг, я всего лишь самоучка, решившая, что у нее получаются красивые кадры… смешно…

«Прекрати! Сосредоточься на другом! Портрет!», – Майк подходит ко мне и встряхивает за плечи.

– Кому он нужен этот портрет?! Я и заговорить с ним никогда не решусь… Не то, что рисовать… Попросить позировать?! Кому?! Мне?! Наивной провинциалке возомнившей себя великой художницей?! Боже, это смешно!

«Разве?! – Майк до боли сжимает мои плечи и встряхивает с такой силой, что голова чуть не отрывается. – Разве мечтать смешно?! Глупо?! Ты думаешь, Егор Саматов никогда не мечтал? Не мечтал стать известным актером? Получить ту или иную награду, о той или иной роли? Не мучился страхами и сомнениями в ожиданиях?! Просто в его жизни все так сложилось? Само собой? Без каких-либо усилий?! Ты,

правда, думаешь, что он никогда не мечтал?!»

– Мечтал…

«Но в отличие от тебя, он верил в свою мечту», – и Майк брезгливо убирает руки.

Становится холодно, до мурашек по коже. Я стою одна на холодном ветру, кутаясь в боль и страх. Вспоминаю финальные кадры из «Унесенных ветром», когда Скарлетт, слишком поздно осознавшая, что всегда любила только Ретта Батлера, смотрит, как он уходит. Слова Антона из «Империи»: «Как близко я должен быть, чтобы ты поверила мне? Ты сама не приближаешься. Так что не говори, что я далек от тебя, Мила».

«Насколько реальной должна быть мечта, чтобы в нее можно было поверить? – тихо спрашивает Майк, нежно стирая дорожки слез с моих щек. – Ты поверишь, как Мила? Или, как Скарлетт, навсегда останешься в пустоте и одиночестве?»

– Думаешь, Маргарет Митчелл планировала написать продолжение? Хотя бы в мечтах… представляла ли она, что Ретт и Скарлетт могут быть вместе? Почему Скарлетт не понимала, что любит Ретта? Когда я смотрела, всегда задавалась этим вопросом. Как она могла быть настолько глупа, и не понимать, что с первого взгляда… или не помню… с их встречи в библиотеке, была влюблена в него, а не в этого жалкого Эшли Уилкса…

«Самообман самое привычное и вместе с тем самое

страшное заблуждение. Кому, если ни тебе, знать, что страх что-то изменить один из самых сильных в жизни? Как просто скользить по гладкой поверхности стоячей воды, и, как страшно взять весла, чтобы выплыть из гниющего зловонного болота в открытое море. Скарлетт была настолько зациклена на влюбленности в Эшли Уилкса, что не заметила, как потеряла свою настоящую любовь – Ретта Батлера… А ты так зациклена на собственных страхах и никчемности, что боишься даже мечтать…Ты, вообще, когда-нибудь мечтала?»

– Нет… не мечтала… никогда. Для того чтобы мечтать, надо быть смелой, встать на борт лодки, и прыгнуть в воду с головой, не думать о том, какие чудовища могут обитать и прятаться на самом дне; быть сильной, чтобы, не смотря на страх, продолжать плыть, к синему морю, к острову мечты, окруженному неприступными скалами; и верить, чтобы доплыв до острова, не сдаться в самый последний момент, так и не увидев причал и маяк, окна которого светятся радушными огнями, обещая отдых и спокойствие.

«Вечно ты все усложняешь, – смеется Майк. – Чтобы мечтать, не нужны волшебные способности, все гораздо проще и прозаичней, надо всего лишь придумать мечту… и думать о ней… просыпаясь, ложась спать, моясь в душе, проводя время с друзьями, родными или любимыми, работая, смотря фильмы, читая книги… пока не срастешься с мыслями о ней настолько, что мечта будет казаться единственной реальностью, в которой ты сможешь выжить. И только, когда меч-

та станет воздухом, ты поймешь, что живешь, живешь мечтой, и, что все, о чем ты когда-то мечтала, и есть твоя жизнь. Просто, придумай мечту…».

– Нарисовать портрет… – Сердце забилось ровнее, я закрываю глаза, прислушиваясь к его ритму.

«Нарисовать мечту», – шепчет Майк в самое ухо, почти касаясь губами.

Я улыбаюсь и позволяю ему растаять. Вместо так и не досмотренной серии «Однажды в сказке», открываю свою страничку «ВКонтакте», заполняя квартиру музыкой из любимых сериалов. Включаю везде свет, в том числе и дополнительные торшеры и бра. Я люблю рисовать, когда много света.

ЭТАП ВТОРОЙ
«иди к МЕЧТЕ»

Глава 7

«Ты здесь уже три месяца! Почему ничего не делаешь?!», – вдруг истошно завопит в голове голос Майка. Даже умудрится перекричать *If today was your last day* группы *Nickelback*.

Я останавливаюсь, тяжело дыша, чувствуя, как пот струится по шее и спине, снимаю наушники, смотрю на время. Полчаса без остановки. Личный рекорд. Довольная, падаю на поваленное дерево.

– О! Я молодец, не находишь? Если бы не ты, может, и больше бы пробежала! – Пью воду.

«Любишь ты перекладывать с больной головы на здоровую».

– Верно подметил, – смеюсь, – часть моего рассудка здорова, а часть сошла с ума. Интересно… могла бы я стать уникальным случаем в практике какого-нибудь Фрейда? Диагноз: частичное сумасшествие. Звучит, а?

«Не понимаю, почему, ты не хочешь признать, что и вовсе сумасшедшая? Почему частично-то?», – усмехается Майк и садится рядом, изящным жестом поправив белые брюки.

Недавно заметила, что Майку безумно идет белый цвет. Теперь он носит только белые водолазки или рубашки и белые костюмчики.

– Не знаю. Мне так больше нравится, – я пожимаю плечами и вытягиваю ноги, облокотившись на широкий ствол. Смотрю на чистое серовато-голубое небо, делаю несколько глубоких вдохов. – Здесь очень красиво и воздух почти чистый. Гляди сколько людей. Как в кино. А у нас в парках никто не бегает.

Я с удовольствием смотрю на бегунов, велосипедистов, роллеров и просто гуляющих людей – по парам и в одиночестве. Красно-желтые деревья наблюдают вместе со мной, иногда взволнованно или насмешливо перешептываются, сбрасывая с себя недовольные или уставшие листочки, которые одиноко кружатся в прозрачном сером воздухе мимо лавочек с витыми спинками, падают яркими пятнами на аллеи, тропинки и все еще зеленый ковер травы

«Тебе здесь больше нравится?» – с притворным участием спрашивает Майк.

– Конечно, даже не смотря на огромные расстояния и безумный ритм жизни. Помню, когда я приезжала в гости к Лизе я до жути боялась находиться в метро одна, а чтобы поехать куда-то самой – да ни за что! А сейчас я чувствую себя вполне легко и свободно, мне даже нравится. Все пугали, что люди здесь злые, дорогу не подскажут, доброго слова не скажут. Почти стихи. А я уже подружилась с двумя ба-

бульками из подъезда, и ни разу не заблудилась. И, можешь, хоть петь в метро, хоть танцевать, никто не посмотрит на тебя, как на психа. А у нас? Мне так нравилось доводить до недоумения злобных пассажирок в маршрутках, приветливо улыбаясь им.

«Нашла чему радоваться».

– А почему нет? Вечно ты ворчишь, как старый дед. Все здорово! Я живу недалеко от центра, пусть и в убогой квартире без мебели и сплю на полу, зато не в коммуналке. Работаю на двух работах, вижусь с Лизой. Без ее помощи мне, конечно, туго пришлось бы, особенно поначалу. Учу английский, бегаю, хожу на курсы самообороны. Мы с Лизой даже один раз в театр сходили, а скоро на балет пойдем. А фотографии… Я у нас столько пешком никогда ни ходила. Замечательно ведь. – Махаю рукой сухощавому дедушке с аккуратной седой бородкой в голубом спортивном костюме и белой повязке на морщинистом лбу. Устав бегать, он останавливается отдышаться и слышит, как я болтаю сама с собой. Напившись, дедушка тепло улыбается, и бежит дальше. – Вот видишь.

«Да. Он все время бегает в тоже время, что и ты», – недовольно бурчит Майк.

– Думаешь, маньяк? – улыбаюсь я. – Ну, с ним я справлюсь. Конечно, я пока мало приемчиков освоила, но уж со старикашкой разберусь.

«Какая самонадеянная стала. С Егором когда знакомить-

ся пойдешь? Зачем кота за хвост тянешь?», – Майк резко поворачивается ко мне. Лицо строгое и серьезное, как у генерала из «Времени».

– Ох… Его сейчас нет в стране и… Нет, я еще не готова. Подожду, пока занятия в школе начнутся. Уже три дня осталось, и 1 октября. Знаешь, я немного боюсь.

«Ну-ну. А после будешь ждать, пока занятия в школе закончатся?», – зло усмехается Майк.

– Нет, два года это слишком, – смеюсь я

Поднимаю с земли желто-зеленый кленовый лист, верчу в руках, вспоминая события, приведшие меня в этот день. В них не было драматизма, только страх выглядеть глупой и смешной в глазах друзей и родных. Как объяснить внезапное желание отказаться от налаженной жизни и уехать в неизвестность в погоне за призрачной мечтой – нарисовать портрет знаменитого актера? Я провела немало бессонных ночей, выдумывая оправдания для близких и убеждая саму себя, что Москва вовсе не город чудовищ в котором бесследно исчезают наивные провинциалки или погибают надежды на лучшую жизнь, задыхаясь в пустоте равнодушия и жестокой конкуренции за место под солнцем. Но я не хочу сражаться и выживать, я хочу рисовать и фотографировать. И представляя себя, гуляющей с фотоаппаратом по городским улицам, я нашла оправдание и повод одновременно. В поисках подходящих курсов фотографов, я набрела на сайт Британской Школы. Читая статьи о самой школе, ее выпускниках и про-

ектах, я загорелась искренним желанием учиться в ней, но только на отделении «дизайнер интерьера». Я плакала от досады и злости, когда поняла, что обучение займет два года (в мои двадцать восемь лет!), и что денег на его оплату мне не собрать за всю жизнь. И чем нереальней казалась возможность учебы, тем сильнее я хотела туда поступить, временно забыв об истинных мотивах. Решение (для первого года обучения) нашлось в простых математических выкладках сложившихся из моих накоплений, долгосрочного денежного займа у моей сестры Кати и мамы, арендной платы за мою квартиру, а так же в обещании Лизы Гречневой, институтской подруги, помочь с жильем и поиском работы.

Благодаря поддержке мамы и Кати, в обход бурного протеста папы, до сих пор не желающего со мной разговаривать, я сумела решиться уехать еще до поступления в школу – первый экзаменационный поток должен был начаться в августе. Пока искала жилье, работу и подготавливала портфолио, я жила у Лизы, помогая ей по хозяйству и присматривая за дочками. Лиза и ее муж старались помочь мне найти хорошую работу, но не удалось – камнем преткновения стало мое незнание английского языка. В начале июля я устроилась администратором в салон красоты (не совсем, но похоже на ту работу, что я выполняла раньше – курирование поставок оборудования и материалов) посменно и с условием, что в дальнейшем мне может понадобиться дополнительный день для учебы; и официанткой в кафе (сейчас одна из девочек,

с которой у меня сложились дружеские отношения, зовет в ночной клуб, но я пока в раздумьях) с тем же условием. Зарплаты не самые высокие, но чаевые иногда радуют. Самое главное – это сменный график, который без проблем позволит мне совмещать работу и посещение занятий, которые будут проходить два раза в неделю с 11.00 до 18.00.

Поступить оказалось не так сложно и страшно, как мне представлялось. Я даже не успела осознать, что сдаю экзамен – приветливо встретили, мило и обстоятельно расспросили о том «что? как? и почему?», а в конце собеседования куратор курса фотографии с доброй улыбкой сказала: «если в этом потоке не поступишь на дизайнера, повтори попытку на фотографа». Узнав о зачислении, я как безумная визжала от счастья в трубку сестре. До сих пор смешно вспоминать. И немного обидно в тоже время – не смогла вспомнить, чему еще я так бурно радовалась в своей жизни. А еще, совсем чуточку, стыдно перед мужем Лизы, за наше веселое празднование с танцами и выпивкой в ночных клубах. Последний раз я возвращалась домой пьяной и под утро на пятом курсе института, и тоже в обнимку с Лизой.

«Все-таки маньяк», – насмешливо говорит Майк.

– Где? – я поднимаю взгляд и вижу того самого дедушку-ниндзя. Седые волосы, забранные в маленькую кулю на макушке, усиливают образ. Забавный. Взгляд мутноватых голубых глаз приятный, открытый и приветливый. – Здравствуйте.

Дедушка, остановился всего в нескольких шагах, и смешно хмуря кустистые брови, разглядывает меня, словно я витрина в магазине.

– Здравствуй, птичка-говорунья.

«Точно маньяк. Только маньяки сразу прозвища придумывают».

– Вы что-то хотели? – невольные опасливые нотки все-таки звучат в моем голосе.

– Да, – он улыбается. Зубы белые, вставные, но улыбка от этого не кажется менее доброй и искренней. – Присесть. Позволишь?

– Конечно. Вы тоже не любите сидеть на лавочках? – я делаю жест рукой в сторону свободных скамеек вдоль аллеи.

– Тут воздух чище. И девушки симпатичнее, – мило улыбается он.

– Тогда присаживайтесь.

Дедушка садится и тут же встает.

– Ну, все, побежали?

– Что? – не понимаю я.

– Ты уже засиделась, а вроде бегать пришла. Думаешь, сможешь обогнать старика? – брови вопросительно взмывают вверх, тонкие губы сквозь бороду хитро улыбаются.

– О, я…

– В компании веселее, – смеется он, и, не дожидаясь пока я встану, стартует.

Я минуту сижу в растерянности, а потом вскакиваю и бе-

гу за ниндзя-дедушкой, не обращая внимания на истошные вопли Майка: «Дурище! Маньяки всегда с виду добрые!».

Глава 8

Первый день занятий пролетает легко и не заметно. Наверное, все потому, что мое внимание сосредоточено не на лекциях, а на одной из студенток нашей группы. Она выделяется из всех, не столько своей утонченной восточной внешностью, сколько солнечным светом, окутывающим ее теплым и нежным сиянием, так же, как неземной свет ангелов. Этот свет притягивает меня, словно огонь мотылька. Иногда, забываясь, я пристально разглядываю ее, погружаясь в идеальные черты бледно-золотистого лица; восхищаясь угольной чернотой длинных ресниц и бархатистостью темно-карих глаз; прислушиваясь к дыханию коралловых губ; впитывая изящные и грациозные движения ее тела и рук.

Думаю, она чувствует мой взгляд, так как иногда презрительно поводит плечиком или рукой, так стряхивают надоедливого насекомого, но ни разу не оборачивается, видимо привычная к восхищенным мужским и завистливым женским взорам. Я чувствую себя виноватой за то, что своим вниманием доставляю ей неудобство, возможно, отвлекая от слов преподавателей, но, вправду, ничего не могу с собой поделать. Просто, как художницу, меня очаровывает ее совершенная красота, а, как человека, меня притягивает солнечное тепло, исходящее от нее, и опять же, как человек, я

не могу избавиться от ощущения, что мы уже встречались.

Поглощенная мыслями о том, где же я могла видеть Солнечную Девочку и как умудрилась об этом забыть, я выхожу из здания школы, пребывая в абсолютном заблуждении, что внутренний автопилот без приключений выведет меня к остановке.

ЧЕРТ!!!

Остальные нецензурные слова и словосочетания, проводившие белый глянцевый *Lexus* не подлежат передаче. Продолжая браниться и трясти руками, будто сумасшедшая ведьма, читающая заклинания, я в ужасе смотрю на свои любимые светло-голубые джинсы, покрывшиеся грязными мокрыми точками.

– Ты с дороги-то отойди, идиотка! – слышу я насмешливый голос. И новая волна грязных брызг окатывает меня с головы до ног.

Бранные слова в моем лексиконе закончились. Я, молча, открывая и закрывая рот, смотрю, как черный *BMWX5* медленно и осторожно паркуется, затем из него выходит обладательница насмешливого голоса. Солнечная Девочка. Может, мне уже мерещится?

«С твоей способностью населять голову странными персонажами, это вполне возможно», – хихикает Майк.

А Солнечная Девочка подходит ко мне, грубо берет за руку и тянет за сбой. Через несколько шагов мы останавливаемся, я вырываю руку, набирая полные легкие воздуха, но

возмутиться так и не успеваю. Под ее взглядом, полным черной ярости, я лишь шумно выдыхаю и молча, пристыжено, потираю запястье.

– Ты, правда, тупая, что ли? – Она буквально выплевывает слова, столько в них презрения. – Стоит посреди парковки, хлопает глазками, как ребенок, впервые попавший в Диснейленд. Говоришь, уйди, а она ни шагу. Совсем мозги отказали? Я чуть не сбила тебя! Или это у тебя хобби такое, под дорогие машины кидаться?

Точно! Вспомнила!

Это случилось в первую неделю моего пребывания в Москве. Не помню, о чем я думала тогда. Может, о Егоре Саматове, может, вела внутренний диалог с Майком, но, как и сейчас, я пребывала в иной реальности и ничего не замечала вокруг. Я просто шла, не понимая, что подхожу к проезжей части, а время «зеленых человечков» еще не наступило.

– Берегись!

Под испуганный крик и дикий визг тормозов, я в одно мгновение оказалась лежащей на асфальте, чувствуя резкую боль в обеих руках, и шее.

– Идиотка! Совсем мозг не работает?!

Я с трудом, шея стала деревянной от боли, поднимаю взгляд на свою спасительницу, испуганно смотрящую на меня сверху вниз. За копной длинных черных волос я почти не могу разглядеть ее лицо.

– С тобой все в порядке? Не ушиблась?

Я отрицательно качаю головой, не в силах сказать ни слова от растерянности и испуга. Пытаясь справиться с собой и невольными слезами, вызванными скорее злостью на себя, а так же дикой болью в руках (болит запястье, но я ни как не могу понять какой руки), я оглядываюсь по сторонам, но мир будто размазали водяными красками, оставив единственным ярким и отчетливым пятном красивое восточное лицо.

– Вот и хорошо. – Она присаживается передо мной на корточки. Ее потрясающе красивые глаза оказываются почти на уровне моих глаз. – В следующий раз, когда решишь броситься под машину, выбирай менее оживленное место, чтобы уж наверняка. Не стоит пугать народ и вешать на невинного человека убийство.

Я не собиралась…

Но слова, так и не сказанные, повисают в пустоте. Она резко встает и растворяется в толпе, вновь ставшей реальностью. Потирая левое запястье, зудящее болью, я еще несколько минут сижу на асфальте, не обращая внимания на удивленные или презрительные взгляды проходящих мимо людей. *Почему в сердцах столько равнодушия? Почему никто не спросил, не нужна ли мне помощь? Почему, спасла, но не дождалась благодарности?*

Я невольно потираю левое запястье. Я ведь часто вспоминаю о том случае и своей спасительнице, всегда мысленно благодарю ее, желая счастья и здоровья, иногда, гадая – если увижу вновь, смогу ли узнать?

– А та машина тоже была дорогой? – спрашиваю я с радостной улыбкой. Думаю, именно так улыбаются люди, неожиданно встретив давнего знакомого, которого мечтали, но уже отчаялись найти.

– Какая? – Солнечная Девочка недоуменно смотрит на меня, почему-то опасливо отступает назад.

– Из-под которой ты спасла меня в тот раз. Помнишь? Бросила на асфальт, прочла лекцию и исчезла.

Она морщит лоб, затем звонко смеется, видимо вспомнив меня.

– Так вот почему ты весь день глазела на меня? – *Черт! Мне, правда, должно быть стыдно?* – Прости, я очень спешила в тот день. – Она пожимает плечами. – Мне некогда было возиться с тобой. Кстати, надеюсь, ты ничего себе не повредила?

– Нет, – почти правда. Да и какое значение имеют несколько ссадин и ушибов, по сравнению со спасенной жизнью? – Я ведь, так и не успела сказать тебе «спасибо».

– Можешь сказать сейчас, – великодушно разрешает Солнечная Девочка.

– Спасибо, что спасла меня. – Я делаю шаг вперед. – Честно, я очень благодарна тебе, только не знаю, как выразить это словами или поступками. Да, и можно ли выплатить подобный долг.

– Можно, – смеется она, качая головой, будто я ее забавляю. – В следующий раз, спасешь мою жизнь.

– Такими вещами нельзя шутить! – возмущаюсь я ее беспечностью и равнодушию к моей искренней благодарности.

– Точно-точно, но всякое, может, случиться. Ведь, как известно, дороги судьбы неисповедимы, а справедливость всегда торжествует.

Она меня дразнит?

– При чем здесь судьба? – недовольно ворчу я.

– А тебе, не кажется, что сталкивая нас при таких обстоятельствах, мадам Судьба хочет, что бы мы стали подругами? – Невозможно понять, серьезно она говорит или шутит.

– Я не верю в Судьбу… – не очень уверенно бормочу я и, напуганная ее прямотой, растерянно добавляю: – О… мне кажется, что для подобных выводов нет оснований…

– У тебя что, куча друзей и еще один будет обузой? – с насмешкой спрашивает она.

– Нет, наоборот, я только приехала в этот город и почти никого здесь не знаю.

– Точно, судьба. У меня вот, совсем нет друзей, и мне просто необходим один экземплярчик. – Я различаю в ее голосе улыбку.

– Эй, по-твоему, друзья – это товар, который покупают в магазине? – подхватываю ее шутливый тон.

– Эх, если бы это было так, то уверяю тебя, у меня был бы их миллион. – Она разворачивается и идет на парковку.

– И каждый день новые. Один под цвет глаз, другой под цвет сумочки, третий под цвет туфлей или машины, – под-

дразниваю я, не совсем понимая, почему послушно, словно собачка на поводке, иду за ней.

– Эй… я не настолько легкомысленна! – смеется она, останавливаясь у *BMWX5*. – Хотя… – тут она резко разворачивается, чуть не сбив меня с ног. По ее хитрой улыбке, понимаю, что намеренно. – Легкомысленность, иногда, здорово облегчат жизнь.

– О. Не совсем верное утверждение, вряд ли легкомысленные люди хотя бы догадываются о том, что жизнь весьма сложная штука.

– Быть может, – с глубокомысленным видом соглашается Солнечная Девочка и протягивает мне руку. – Так что, будем дружить?

– Да, – я пожимаю ее ладонь. – Таня Алфеева.

– Алия Устинова, – она широко улыбается. – Ну, что, Таня Алфеева, поедем, отпразднуем начало новой дружбы и заодно первый учебный день?

– Я только «за». А куда поедем?

– А куда ты хочешь?

– Я пока плохо ориентируюсь в местной индустрии развлечений.

– У тебя странный юмор, – усмехается Алия. *Да я и не шутила!* – Ну, тогда пойдем в мое любимое Кафе. Залезай.

Мы садимся в шикарный автомобиль, пахнущий кожей и дорогими духами Алии. Пока Солнечная Девочка уверенно выезжает с парковки, я стараюсь справиться со своим наив-

ным восхищением, мне ведь никогда не приходилось ездить в таких дорогих машинах. По дороге мы обмениваемся первыми впечатлениями о школе и преподавателях, о выставленных программой обучения требованиях – обе довольны. И с каждой минутой вместе, ее заявление о том, что нам судьбой предназначено стать подругами начинает казаться вполне логичным. А к тому времени, как мы подъезжаем к кафе, я уже уверенна в том, что знаю Алию, если ни всю жизнь, то, как минимум, лет десять точно.

Удивительно, но кафе оказывается не фешенебельным и удьтрадорогим, как я в тайне боялась, а милым и уютным, с интерьером, сделанным под дерево и яркими цветными акцентами в виде картин на стенах, мягких подушек на стульях и диванах, полупрозрачных занавесок, разделяющих столы.

– Мило, правда? – Алия довольна моей реакцией. – Нам одно. – Она берет меню у официанта в белой униформе и ярко-зеленом фартуке, протягивает мне. – Напитки за мой счет. – В протестующем жесте поднимает руки, когда я хочу возразить. – Не обсуждается.

– Но это не честно, – пытаюсь настаивать я.

– В какой-то степени, – смеясь, соглашается Алия и подмигивает. – Но, все же глупо не пользоваться привилегиями вип-клиента и отказываться от бесплатной выпивки, не так ли? И, да, пить мы будем коктейли, так как я не переношу чистый алкоголь. Не вкусно, – она смешно морщит носик.

– О! Согласна! Я тоже люблю коктейли, а еще я не ем мясо

– Ого. Вегетарианка или веганка? Почему сразу не сказала? Поехали бы в какой-нибудь соответствующий ресторанчик. Я никогда не бывала в таких. Ну, ладно, в следующий раз. Тогда, рекомендую попробовать пасту с овощами. Я тоже ее буду… А еще здесь вкуснейшие сырники.

С восхищением наблюдаю, как Алия делает заказ. Я бы могла бесконечно любоваться ею, нежится в лучах внутреннего света, исходящего от нее и наделяющего все вокруг красотой и волшебством.

– А почему ты не ешь мясо? Так любишь животных? – Она внимательно смотрит на меня, будто что-то решая для себя.

– О. Не знаю, как правильно объяснять свою позицию, чтобы не выглядеть лицемеркой. Отчасти мое решение продиктовано любовью к животным, но так как я ничего не делаю для их защиты или спасения, как, например, те люди, которые спасают бездомных кошек или собак, выхаживают их, или те, кто состоит в организациях по защите прав животных, я не могу это утверждать в категоричной форме. – Я неуверенно пожимаю плечами, не зная стоит ли продолжать.

– Не стесняйся, рассказывай.

– Ладно… Знаешь, когда-то люди верили в то, что Земля плоская и стоит на Трех Китах, а их самих Боги, всемогущие повелители стихий, слепили из глины по своему образу и подобию. Затем, свергнув языческих богов, так похожих на них самих своей жестокостью и склонностью к разврату, люди уверовали в свое божественное происхождение и обрели

высший смысл жизни в служении Священным Законам Создателя. При этом они продолжают оправдывать собственные слабости и грехи, существованием неких демонов, желая снять с себя всю ответственность за совершаемое ими самими зло. Сейчас же человечество, взбунтовавшись против религии, которая в любых своих формах, ставит человека в положение служителя высшим силам, исповедует животное происхождение и верит, что является венцом творения природы, а потому ее властелином и повелителем. И теперь, хищная сущность человека служит оправданием и правом на убийство, как мелких тварей, так и себе подобных. Я же считаю, что каким бы ни было истинное происхождение человека, божественным или животным, прежде всего он, как единственное создание, из ныне известных, обладающее разумом, был создан не для господства над природой и всеми живыми существами, а, чтобы заботиться о ней и ее творениях. Говорят, что животные не обладают сознанием, не понимают, что живут и не помнят о смерти; а человек понимает, что живет и, что смертен, и это возвышает его над животным миром. Но, на мой взгляд, это все то же самое, повторяющиеся в тысячелетиях, оправдание собственной неразвитости, не способности осознать истинное предназначение жизни, заключающееся не в потреблении ее благ, и не техническом прогрессе, а в духовном развитии. При этом я не считаю, что человечество должно отказаться от благ цивилизации и вернуться к природе, а просто должно научиться ценить жизнь,

Жизнь, во всех ее проявлениях и видах, и направить все возможности и ресурсы своего высшего разума на ее совершенствование и развитие. – Я перевожу дыхание. – И отказом есть мясо и нести личную ответственность за смерть живого существа, я не пытаюсь показать, что лучше других, а просто хотя бы на сотою долю, хочу соответствовать своим убеждениям. Как-то так. – Я замолкаю и в смущении опускаю глаза, так как не привыкла настолько смело и откровенно выражать свои взгляды на жизнь. Обычно я предпочитаю молча проглатывать свое мнение, если оно идет вразрез с общепринятым, не желая выслушивать обвинений в наивности, идеализме или юношеском максимализме, а так же презрительных предложений снять розовые очки и повзрослеть.

– А ты оказывается намного интереснее, чем кажешься с первого взгляда, – с широкой улыбкой говорит Алия, согревая мое сердце солнечным теплом, прогоняя из души мрачные тени привычных страхов и неуверенности. – Хотя, есть ли смысл настолько усложнять привычные и простые вещи? – Она с притворным непониманием хлопает ресницами.

– Есть, – смеюсь я. – Сущность человека и заключается в том, чтобы из простого создавать сложное.

– Ой-ой… больше не надо. – Алия протестуя, выставляет вперед руки. – С меня на сегодня хватит сложных вещей.

– Ну, что ж… – с притворным разочарованием вздыхаю я. – Обсудим новые рецепты? Или наряды… Аллы Пугачевой? Или ее личную жизнь разберем по косточкам?

Алия делает страшные глаза, а затем начинает громко смеяться. Я невольно вторю ей. Отсмеявшись, мы некоторое время сидим в молчании.

– Почему у тебя нет друзей? – вдруг спрашиваю я. Черт! Я же обычно никогда не задаю подобных бестактных вопросов, но… у такой красивой и дружелюбной девушки должно быть миллион друзей.

– Не сложилось, – Алия пожимает плечами, я замечаю грусть в темных глазах. – Моя мама ненавидит Россию, мы уехали из страны, когда мне было двенадцать. Конечно, мы часто приезжали, чтобы навестить отца, бабушек с дедушкой. Три года мы жили в Испании, после два года во Франции, потом переехали в Англию. А три года назад мама погибла в аварии, в которой я отделалась лишь царапинами. – Я накрываю ее руку, сжавшуюся в кулак, своей. – Мне было двадцать. Папа хотел, чтобы я закончила учебу в Англии, – ее голос дрожит – Но я не могла… все время ходила по тем местам, где мы бывали с мамой… и ненавидела наш дом. – Нежно глажу ее холодную руку, всем сердцем досадую на себя за то, что спросила и, одновременно поражаюсь тому, что Алия так смело и открыто говорит о пережитой боли. – И я вернулась сюда. Первый год я безвылазно прожила с бабушкой в нашем загородном доме, на второй, поехала учиться в Италию на дизайнера… проучилась полгода и поняла, что не могу. Когда мы с мамой жили в Испании мы часто ездили в Италию, в основном по магазинам, конечно… мама обожала

дорогую одежду. – Грустная улыбка черной тенью ложится на ее светлое лицо, болью отражается в глазах. – Знаешь, в тот день, когда я спасла тебя, был мамин день рождения… у нас была с ней традиция, в наши дни рождения, мы ехали в аэропорт или на вокзал и наугад выбирали город, где будем праздновать. Весь день мы вместе гуляли, изучая достопримечательности, объедались вкусностями, а возвращаясь домой, уставшие, но безумно счастливые, спали в объятиях друг друга… – Алия всхлипывает, пальцами трет уголки глаз, и снова улыбается, только на этот раз улыбка выглядит неискренней.

– Ты, наверно, хорошо говоришь на иностранных языках? Почему не выбрала Британское направление? – пытаюсь отвлечь Алию от печальных мыслей.

– Нет… может, я и решу потом завершить образование в Англии, но пока даже мысль о возвращении в эту страну, вызывает во мне панику. Да, я хорошо говорю на всех трех языках, чуть-чуть на татарском, мама меня учила, а когда жила в Италии, я и итальянский начала изучать. Мне очень легко даются языки.

– Здорово. А я даже английского не знаю, – я тяжело вздыхаю. – О! Наши коктейли.

Оказывается, напитки давно принесли, а мы и не заметили. Одновременно берем изящные широкие бокалы.

– За встречу!! – в голос произносим мы под звон фужеров.

– Ты так забавно говоришь «О», – замечает Алия.

– Наверное, переняла манеру произношения из какого-нибудь сериала.

– Ты тоже смотришь? Я за то время, что дома сидела столько пересмотрела, что теперь в голове полная каша. Я обычно в оригинале смотрю, чтобы речь не забывать.

– Я пытаюсь смотреть в оригинале, но пока очень тяжело, не воспринимаю на слух и все.

– Привыкнешь со временем…

Мы болтаем, наслаждаясь разговором больше, чем едой и коктейлями. После ужина, оставляем машину у кафе и идем гулять по городу. Алия, не стесняясь, берет меня под руку или за руку. Мы веселимся и дурачимся, словно пятнадцатилетние тинэйджеры, то дефилируем танцующей походкой, то прыгаем или бегаем друг за другом, смеемся во весь голос, не обращая внимания на провожающие взгляды парней и мужчин. Боже, кажется, я действительно не вела себя так легко и раскованно со времен школы, то есть одиннадцать лет. С ума сойти! И за два с половиной года – это первый день, когда я не вспоминаю о Егоре Саматове и не говорю «спокойной ночи» его фотографии.

Глава 9

Все серое. Обнаженные деревья, выстроившиеся в две ровные линии вдоль заснеженной дороги, и низкое небо над головой. И одинокая девочка в грязно-белом платье, стоящая босиком на снегу, тянущая руки вверх к тусклому ку-

сочку солнца, не способному согреть ее замерзшее сердце.

«Когда ногам холодно, на сердце тепло», – Майк цитирует лейтмотив дорамы[2]* «Райское дерево».

Я перевожу взгляд с нарисованной мною картины за окно. Там тоже идет снег. Большими белыми хлопьями падает на землю, машины, деревья, дома, прохожих, окутывая мир волшебной белой пеленой.

– Я так и не досмотрела… Но, надеюсь, главные герои перестали рыдать и нашли свою любовь, которая, как и хотела Хана, была бы прекраснее снега… «Я расскажу о людях, которые пришли из снега и скрылись в снегу…». Такая красивая идея и такое слезное воплощение… «Около моего дома, где никогда не тает снег…». Я бы хотела побывать там. Странно, раньше меня никогда не тянуло в Японию.

«Влияние ниндзя-дедушки», – усмехается Майк, вставая рядом.

– Не говори, – я с улыбкой вспоминаю Всеволода Захаровича, которого так и зову ниндзя-дедушкой, и, думаю, ему даже нравится. А мне нравится, когда он называет меня птичкой-говоруньей. Ему восемьдесят три, но он бегает быстрее и дольше меня. И, да, с теми боевыми приемчиками, что я освоила, мне ни за что с ним не справиться, так как у дедушки черный пояс по дзюдо и высший дан. Или кю. Я так и не разобралась, что выше. Не усваивается и все тут. Я

---

[2] * Дорама – японский телесериал. Также дорамами называют корейские, китайские, тайваньские и гонконгские сериалы.

люблю слушать рассказы Всеволода Захаровича об истории дзюдо и духовных установках, о его молодости и участии в соревнованиях, он даже принимал участие в Олимпийских играх 1964 года, проходивших в Токио; истории об Японии, в которой он прожил почти двенадцать лет, оставив тренерскую деятельность в возрасте шестидесяти пяти лет. А семь лет назад вернулся в Россию, чтобы попрощаться с детьми и внуками, так как ему диагностировали рак, который вскоре отступил. Всеволод Захарович хотел снова уехать в Японию, только дети не отпустили. Он скучает по востоку, но радость обучения внуков и правнуков искусству дзюдо постепенно вытесняет печальные мысли. Всеволод Захарович все зовет меня в школу своего внука, где он иногда ведет занятия, но у меня все не складывается, а бегаем мы каждое утро, потом сидим на поваленном дереве и болтаем, или идем пить кофе в ближайшее кафе.

«Кажется, тебе везет, не находишь? Ниндзя-дедушка. Алия – Солнечная Девочка, которая путает тебе все карты. Из-за нее ты даже в школу к дедушке попасть не можешь, перейти на другую работу, встретится с Егором Саматовым» – Голос Майка пропитан сарказмом.

– На самом деле везет. Всеволод Захарович прекрасный человек. И Алия. Мне кажется, что с ее появлением, моя серая жизнь наполнилась яркими красками. – Я перевожу взгляд на картину. – Думаю, если девушка дотянется до солнца, то сможет согреться.

«Только она не дотянется. Так как ее солнце не Алия, а Егор Саматов. Или ты забыла?», – Майк садится на пол под окном, прислонившись спиной к обшарпанной батарее, холодной, как и пустая комната, вдоль стен которой, расставлены картины, в одном углу чемодан с ворохом одежды на нем, а в другом стопка сложенных одеял, служащих постелью, рядом открытый ноутбук.

Я обнимаю себя, в молчании смотрю на снежинки за окном, а потом беру белую, голубую и желтую краски и начинаю переносить их узоры на стекло. Спустя два часа сквозь ледяные бело-голубые кружева в комнату просвечивает мягкий желтый свет зимнего утра. Теперь мою комнату будет освещать искусственное солнце.

Алия – искусственное солнце, а Егор Саматов настоящее? Так ли это? Может, все было лишь для того, чтобы я встретилась с Алией, заполнившей мою жизнь событиями и впечатлениями? С первой нашей встречи, я ни одного дня не бываю одна. Мы все время куда-то ходим – в кафе, на выставки, в музеи, кино, театр, балет, клубы, иногда просто гуляем по городу, и тогда я вспоминаю о своем увлечении фотографией. Из Алии получилась прекрасная модель. Когда остаюсь одна, я могу подолгу рассматривать снимки Алии и придумывать идеи для новых фотосессий. Иногда к нам присоединяется Лиза. Недавно мы вместе с ее дочками ходили на каток – было сказочно весело. А в прошлые воскресенье и понедельник (так как в субботу мы учимся) мы втроем ез-

дили в Финляндию, отмечать Лизино день рождение. Помню, как когда-то мечтала иметь возможность отправиться на выходные за границу. Некоторые мечты все-таки сбываются.

«А некоторые нет, так как задыхаются под ложными приоритетами. Ау, милая, сегодня уже 3 ноября. Ровно полгода с того дня, как ты придумала мечту. И ровно два с половиной года с того дня, как ты влюбилась. Сколько еще ты будешь ждать?» – Я чувствую прикосновение теплых рук Майка к своим плечам.

– Двух солнц не бывает, да?

«Нет, – он обнимает меня со спины, уткнувшись подбородком в плечо, – Но, ты права, Егор и не должен быть твоим солнцем, ведь ты всего лишь хотела нарисовать его портрет. Просто иди к мечте. Исполни ее. Сделай то, ради чего приехала и будь свободна. *Обдумывай тщательно, а действуй решительно*. Кажется, так звучит одно из наставлений Дзигоро Кано[3]*, так часто цитируемых ниндзя-дедушкой?»

– Хочешь сказать, я излишне тщательно готовлюсь, но абсолютно не решительна? Наверное, ты прав. Но. Может, я запуталась. Просто, знаешь, с того дня, как я встретила Алию, это странное ощущение пустоты и неудовлетворенности исчезло.

«Верю. Но с тех пор сегодняшнее утро первое, когда ты на несколько часов осталась одна. И ты говоришь со мной», –

---

[3] * Дзигоро Кано – выдающийся японский деятель и педагог, основатель школы Кодокан дзюдо.

Майк грустно улыбается, легко коснувшись губами впадинки под ухом.

А я замираю, словно под взглядом Медузы Горгоны мое тело превратилось в камень. Становится тяжело и больно дышать. И мне так страшно, словно я уже никогда не согреюсь, даже если всегда буду бродить по снегу босиком.

«Ты думала о том, как найти его?»

Я тяжело дышу, опираясь двумя руками о подоконник.

– На самом деле нет. В том то и дело, я не знаю, как его искать. Идти к «Мосфильму» и часами ждать, пока он там не появится? Да я даже не знаю, занят ли он в каких-то проектах сейчас. Я узнала, что по личным причинам Егор отказался от всех ролей, как в постоянных спектаклях, так и от новых предложений. А ведь я хотела пойти на один из его спектаклей и попробовать увидеться после представления. Правда, не знаю как. Это в кино все выглядит просто. Зашел куда-то, нашел что нужно и кого нужно, а в жизни… Я, конечно, видела на официальном сайте контакты его Менеджера, но… что я скажу? Что хочу нарисовать портрет Егора Саматова?

«А почему бы и нет? – Майк нежно, успокаивающе гладит меня по спине. – Вот чего ты испугалась. Снова не знаешь, как быть дальше… Не зацикливайся на том, что не знаешь, как его найти. Просто думай, что ваша встреча неизбежно состоится в самое ближайшее время. И, кстати, позвонить Менеджеру Егора не самая плохая мысль. Просто надо придумать убедительный предлог. Так поступают герои во всех

фильмах».

– Может быть… – Я постепенно успокаиваюсь, прислоняюсь головой к его груди. – Ты прав. Я должна идти к мечте, иначе никогда не буду свободна.

Смотрю на стоящую у стены, за чемоданом, большую картину, упакованную в специальную плотную бумагу, предотвращающую возможность повреждения холста и рисунка на нем. С момента написания я так и не смогла заставить себя увидеть ее. И, что мистически странно, я практически не помню, как рисовала и что на ней изображено (за упаковку отвечала Катя). В голове крутятся отдельные фрагменты, но, сколько не пыталась, не могу соединить их в целостную картину. Я возвращаюсь к рисунку с замерзшей девочкой, вспоминаю слова из *Californication*[4]** «В жизни встречаются люди, которые вдохновляют тебя, и ты возводишь их в ранг мифических существ, наделяешь магическими свойствами, а они, возможно, лишь ступень к чему-то большему и лучшему». Но я не хочу, чтобы ниндзя-дедушка и Солнечная Девочка были лишь ступеньками на пути к Мечте.

«Это и не обязательно. Почему бы вам с Алией не сходить сегодня в школу к дедушке вместо магазинов? Думаю, Всеволод Захарович будет в восторге от Алии».

– О! Прекрасная идея! Алия тоже хотела познакомиться с ниндзя-дедушкой. – Я в задумчивости вожу пальцем по ку-

---

4 * * *Californication* – американский сериал известный в России под названием «Блудливая Калифорния».

сочку солнца на картине. – Познакомиться… но для начала нужно придумать предлог… или устроить случайную встречу. У Алии хорошие связи, может, она смогла бы помочь? Но… Я не могу ей рассказать. Почему я не могу рассказать той, кого полюбила всем сердцем и считаю лучшей подругой о своей заветной мечте? Разве так поступают настоящие друзья?

«Здесь не о дружбе речь, милая. – Майк останавливает мою руку. – А о том, что некоторые частички своей души мы не можем открыть ни кому, лишь глубже прячем в своем сердце, на самом дне. И это не ложь, это мечта, которая еще не научилась летать, которую надо оберегать от чужих глаз, покуда она не взлетит. Уверенная и прекрасная, со временем, она расправит свои крылья в твоем сердце и станет не кусочком души, а самою душой, и ее невозможно уже будет скрыть».

Глава 10

– Браво! Браво! Алия! Вперед, моя Солнечная Девочка! Умница! – кричу я, громко хлопаю в ладоши. Мой голос уже охрип, руки горят, но я продолжаю аплодировать, сидя на татами, кричать слова ободрения или просто широко улыбаться в ответ на поднятые вверх пальцы Всеволода Захаровича или его учеников. Одни, как и я, в восхищении наблюдают за поединком хрупкой Алии и лучших учеников ниндзя-дедушки (пусть они и подростки, но некоторые из них намно-

го сильнее и выше Алии), другие ждут своей очереди, чтобы вступить в неравный бой, а третьи уже повержены и просто отдыхают и наслаждаются зрелищем.

– Твоя подружка? – слышу из-за спины приятный мужской голос.

– Да! – гордо говорю я, оборачиваюсь и встречаю взгляд серых глаз с длинными угольными ресницами. Вижу в них изумрудно-зеленые искорки насмешки, и теплые лучики улыбки в уголках. Невероятно красивые глаза. – Ой… нельзя же так… – Я в растерянности пытаюсь отодвинуться, но неудачно ставлю руку на мат, подворачиваю и падаю, но сильные руки успевают поддержать меня за плечи, не позволяют упасть. Теперь я смотрю на квадратный волевой подбородок и твердую линию губ.

– Если упадешь, я подхвачу тебя.

Такие знакомые слова. До безумия. Я знаю, что слышала их, знаю где и кто их говорил, но не могу вспомнить. Всем существом я сосредоточилась на загорелых, сильных руках, что лежат на моих плечах. Потрясающе теплое и властное прикосновение Майка в моих фантазиях.

– У тебя красивые глаза, неваляшка, – усмехается он и, наконец, отодвигается от меня.

Ох, очередное прозвище!

Теперь я могу его разглядеть. Лет тридцати. Одет в обтягивающую, мокрую от пота, черную майку, тренировочные штаны и кроссовки. На сильные и мускулистые плечи

накинуто белое махровое полотенце. Темно-русые волосы, частично собранные в пучок на макушке, вьются мелкими мокрыми кольцами у основания шеи, над ушами и широким лбом, перевязанным черной лентой. Черты лица резкие, даже грубые, но приятные, из-за теплого и прямого взгляда серо-зеленых глаз, и улыбки, которую не портит даже шрам – справа по линии подбородка. В нем чувствуется сила и уверенность. Не обычного мужчины, а воина, благородного рыцаря из девичьих грез и романтических сказок.

– Я так сильно тебя напугал? – с притворной заботой спрашивает он, подсаживаясь ближе. Зачем-то щупает мой ледяной лоб.

– Н-нет, – отвечаю я и качаю головой, заставляя его убрать руку. – Растерялась почему-то. – Пожимаю плечами.

– А… со всеми бывает. – Улыбается, аккуратно убирает выбившиеся из моей косы локоны за уши, случайно касаясь тыльной стороной ладони моей щеки. – Так лучше. Кожа у тебя приятная.

– А ты со всеми ведешь себя так фамильярно? – Зло фыркаю я и отодвигаюсь от него, как можно дальше, на самый край мата, спиной к нему. Намеренно игнорирую и продолжаю наблюдение за Алией, сражающейся с новым противником.

– Не знаю, – широко улыбаясь, он садится рядом, вытягивая свои длиннющие ноги. – Я сделал, что-то не так? Прости. Не хотел задеть твои девичьи чувства, неваляшка.

Я резко поворачиваюсь, и снова вижу эти потрясающие глаза и поддразнивающую насмешку в них.

Черт! И почему я так остро на все реагирую? Прямо тургеневская барышня.

– Да, нет, ничего. Переживу уж как ни будь… О! Алия!!! Молодец!! Браво!!! – кричу я, когда очередной противник Солнечной Девочки повержен и, притворно громко охая и вздыхая, лежит на спине.

– Скольких уже победила твоя подружка? – почти шепотом, у самого уха, спрашивает парень, придвинувшись еще на несколько сантиметров ближе ко мне.

– Не знаю, – делаю вид, что ничего не заметила. – Двенадцать. – Пересчитываю поверженных.

– Она профессионалка?

– Нет, но занимается с десяти лет. Хотя… последние три года от случая к случаю.

– То есть она не в лучшей форме?

– Наверное…

– И ты веришь, что эти парни, – он кивает головой в сторону мальчишек, взирающих на Алию, как на богиню, спустившуюся с небес, – не могут ее победить? Учитывая, что все они принимали участие в тех или иных международных соревнованиях.

– Серьезно? – Я только теперь замечаю хитрые и довольные искорки в глазах тех ребят, лица которых могу видеть. – Ах, они… – я весело смеюсь. – Ох, почему я сразу не догада-

лась? – Я машу рукой Всеволоду Захаровичу, который оборачивается на мой смех, как и пятеро его учеников. На лицах парней я вижу понимающие ухмылки, обращенные уже к моему соседу по татами. Всеволод Захарович почтительно наклоняет голову в знак приветствия, и одобряюще улыбнувшись, вновь сосредотачивает все внимание на дерущихся – Алие и своем семнадцатилетнем внуке, который, по всей видимости, не может допустить победы женщины даже в шутку.

– Наверное, потому, что смотреть на парней побежденных красивой девушкой намного приятнее.

– Разумное предположение. – И, чувствуя, что Алие становится трудно удерживать захват или босые ноги скользят, кричу: – Алия! Алия! Не сдавайся, моя девочка!

– Ты тоже занимаешься?

– Дзюдо? Нет. Я беру уроки самообороны, но не здесь.

– Тогда в школе, как оказалась? Я не видел тебя раньше. И подружку тоже.

– О, мы пришли в гости к Всеволоду Захаровичу и он уговорил Алию продемонстрировать свои умения. Все-таки она хороша! – я снова хлопаю в ладоши громче всех. – И как не устала?

– Да, они и в полсилы с ней не сражаются, – усмехается он. – И все-таки, она, и вправду, в хорошей форме. А откуда знаете Всеволода Захаровича?

– В парке познакомились, вместе бегаем. А ты? Он и твой

учитель?

– Нет. Но приходилось уроки брать, – он усмехается, будто вспомнив что-то забавное.

– О, а ты зачем сюда пришел? Позаниматься?

– Я вообще-то уже отзанимался, – он потягивается всем гибким мускулистым телом, – Хожу сюда в тренажерный зал. Поднялся поболтать, а тут такая красота, – он насмешливо качает головой и, кивает в сторону Алии… поверженной. Тяжело дыша, она лежит на спине, подняв руки вверх. Не прикасайтесь. Но не тут-то было. Парни, как по команде, налетают на Алию, поднимают ее на руки и качают, чествуя, как победительницу. Алия визжит и смеется, умоляет отпустить. Наконец, мальчишки, вняв ее мольбам, опускают на пол, позволяя учителю поддержать ее.

Я встаю, забыв про соседа, бегу к Алие. Сжимаю в объятиях, расцеловываю в раскрасневшиеся щеки, глажу по мокрым волосам.

– Ты была великолепна! – говорю я. – Правда, Всеволод Захарович?

– Да, – соглашается он с улыбкой.

– Черт! Да не один из них даже не пытался сразиться со мной по-настоящему! – Алия топает босой ножкой. – Так не честно, парни! НЕЕЕЕ ЧЕСТНО! Слышите!

В ответ раздается дружный мальчишеский смех. Крича слова прощания учителю и восхищенные комплименты Алие, ребята уходят.

– Но, так или иначе… Алия, я буду очень рад, если будешь приходить заниматься сюда. У тебя великолепные данные.

– Знаю, – Алия довольно улыбается. – Я буду. Последние три года были сложными, да и училась я не здесь. Вы, может, знаете, моим первым учителем был…

– Черт… а у твоей подружки и вправду хорошая подготовка, – я вздрагиваю от неожиданности, услышав из-за спины уже знакомый голос. Заслушалась разговором Алии и ниндзя-дедушки обсуждающих ее учителей и плюсы и минусы европейских школ дзюдо по сравнению с российскими.

– Конечно, – соглашаюсь я. Так как я не оборачиваюсь, он становится рядом со мной, почти вплотную, вынуждая сложить руки на животе, чтобы ненароком не коснуться его. Какой навязчивый, однако.

– Будешь заниматься вместе с Алией, птичка-говорунья? – спрашивает Всеволод Захарович и, я понимаю, что давно потеряла нить разговора.

– Да.

– Вот видишь, как все удачно складывается, Андрюшенька, – довольно улыбается учитель, обращаясь к парню, стоящему рядом со мной. – И для тебя нашлась равная партнерша, а то все отлыниваешь. Скажешь, как свободнее со временем будет, я составлю для вас совместный график. Ты же не возражаешь, Танечка?

– Я? Да нет, – не очень уверенно отвечаю я и перевожу взгляд на ухмыляющегося Андрюшеньку. Наверняка, сейчас

он мысленно сканирует свое расписание. По лицу Алии вижу, что она думает тоже самое и ее это забавляет.

– До свидания, ниндзя-дедушка. До завтра, – прощаюсь я.

– До завтра. Алия, приходи бегать с нами. Вместе веселее.

– Я подумаю, учитель. Была рада знакомству. До свидания.

Мы почтительно киваем. Может и Андрюшенька сказал нам «до свидания», но мы с Алией, громко смеясь и переговариваясь, не слышим его.

Глава 11

– И почему ты не настоящий?! Почему не можешь сказать, что я красива? Очень-очень красива?! – Кричу я своему отражению и воображаемому Майку одновременно.

Я вижу в зеркале красивую изящную девушку в обтягивающем красном платье и черном укороченном пиджаке с широким рукавом длиной в три четверти, расшитым золотом по горловине, и в лаковых черных ботильонах на тонких каблуках. Из украшений – золотой массивный браслет и сверкающие искусственными стразами длинные серьги, и такие же заколки на собранных у висков волосах. Серые глаза, подчеркнутые тушью и тонкими стрелками по контуру, сверкают от волнения, коралловые губы дрожат.

«Тише, тише. Если разревешься, станешь японским приведением, – ободряюще говорит Майк, встает за моей спиной и, успокаивая, кладет руки на плечи. – Даже если ты не

так красива, как думаешь, главное, чтобы ты считала себя самой красивой. Ты же знаешь, как это работает. Дыши глубже. Дыши».

– Знаю, – я пытаюсь дышать. – Живот болит. – Я с ненавистью смотрю на туалет. – Всегда живот болит, когда сильно нервничаю. Таблетка. – Я бегу на кухню, в панике ищу таблетки в косметичке на окне. Рассыпаю все. Нахожу. Трясущимися руками вскрываю упаковку, глотая сразу две. Запиваю. – Фуххх. Потому соберу. – О! Звонит телефон. Алия.

Я беру клатч, расшитый золотыми пайетками и бисером, надеваю красное пальто, сверху накидываю золотой палантин. На мгновение задерживаюсь у старого трюмо, чтобы встретить любимый взгляд карих глаз.

– Обещай, что все будет хорошо? – умоляю я.

Майк улыбается и растворяется в зеркале. Я тяжело вздыхаю, и выхожу из квартиры, спускаюсь по лестнице, громко стуча каблуками. Не способна идти тихо, ноги трясутся. Я ни как не могу успокоиться. Может, надо было валерьянки выпить, или пустырника или что-нибудь более сильное? Пару рюмок коньяка? Или стакан мартини безо льда? Для храбрости. Боже, я сойду с ума. Я не выдержу, не смогу. Не смогу… сколько будет длиться церемония? Два часа? Три? А потом искать предлог, чтобы подойти к нему на вечеринке… заговорить… у меня не получится… ни за что.

Сегодня в 18.00 по московскому времени состоится церемония награждения от журнала «Glamour» по версии кото-

рого Егор Саматов признан мужчиной года. Я узнала о его награждении и победе совершенно случайно, услышав разговор девочек-студенток в кафе, где работала. Не знаю, как умудрилась пропустить данную информацию в интернете. И к счастью (благословение небесам! и всевозможным богам!), у Лизы была возможность достать пригласительные – я это точно знала. Буквально на днях она рассказывала о том, что их фирма заключила важный контракт с журналом и ей предлагали билеты на церемонию и последующую вечеринку, но она отказалась, потому что у нее не получалось пойти. Зато получилось у нас с Алией, которая радовалось не меньше меня, так как ей очень хочется познакомиться с Иваном Ургантом – одним из ведущих церемонии. «Хоть парой слов перемолвиться, – говорила она мечтательно, складывая ладошки вместе. – Аааааа, у него такииииие красивые глаза».

Ветер и липкий снег ударяют в лицо, как только я открываю дверь подъезда.

– Только не стать японским привидением, – бормочу я, пытаясь прикрыть руками глаза от ветра и снега, пока бегу к машине Алии. – О! Ты не за рулем! – восклицаю я, целуя и обнимая Алию.

– Решила, что сегодня лучше воспользоваться услугами водителя, – не уверенно улыбается Алия. – Я почему-то нервничаю. И побоялась вести в таком состоянии.

– Правильно, – откидываюсь на кожаную спинку, когда машина мягко трогается с места. – Я тоже нервничаю.

Алия принимается руками обмахивать раскрасневшееся лицо.

– Как будто самое важное свидание в жизни. – *Так и есть!* – Я больше за вечеринку переживаю. Никогда не была на мероприятии, где есть знаменитости.

– И я… я даже и представить не могла, до сих пор не верю.

Я качаю головой. Алия смеется, глядя на мое растерянно – изумленное лицо, и ободряюще сжимает мою руку. Не в силах рассмеяться и даже улыбнуться в ответ, кладу голову на ее плечо, Алия прислоняется щекой к моей макушке. Видимо, волнение, оказывает на нее такое же угнетающие действие, как и на меня, лишая сил и желания говорить.

Автомобиль мчится вперед, за окном мелькают огни, люди, машины, витрины, реклама. Я не замечаю, как постепенно расслабляюсь, почти засыпая. Пытаюсь представить нашу с Егором встречу. Что я скажу? Что скажет он? Улыбнется или будет холоден? Просто вежлив? Я ему понравлюсь? А что я почувствую? Мое сердце перевернется? Будет стучать в груди, как сумасшедшее? Или остановится? Как тогда в школе ниндзя-дедушки, когда я увидела серые глаза с изумрудными искрами. Он сказал…

Если упадешь, я подхвачу тебя.

С радостным волнением, граничащим с изумлением, я вспоминаю откуда эти слова…

Дикий визг тормозов… крики… мой, Алии, водителя… меня и Алию отбрасывает назад… столкновение… нас под-

брасывает вверх, вперед, вдавливает в заднее сидение… скрежет метала о металл… бьется стекло…осколки врезаются в лицо, руки… острая боль пробегает по всему телу, но я не выпускаю ладонь Алии…

Наверное, я на несколько секунд отключаюсь, так как прихожу в себя от дикого крика Алии, зовущей меня по имени. Я открываю глаза и вижу испуганное лицо Алии. По ее лбу струится кровь, из уголка губы тоже.

– Я в порядке, – пытаюсь коснуться раны на ее лбу, чтобы понять насколько все серьезно. Глаза Алии затуманиваются, лицо становится бледным, и она падает на сидение.

– Алия! Алия!!!!! АЛИЯ!!! – кричу навзрыд. Я понимаю, что она в сознании, но… – Наверное, в шоке… Просто в шоке… – я ощупываю руками ее тело, не обращая внимания на бегущие по моим щекам слезы. Вроде, серьезных травм нет, но руки липкие. Почему?! – АЛИЯ! АЛИЯ! – кричу я, пытаясь нащупать рану. Откуда же кровь… ОТКУДА КРОВЬ…

Кто-то открывает переднюю дверь. Я оборачиваюсь, вижу окровавленное лицо водителя, который без сознания лежит на руле.

– Живой! – кричит незнакомец, проверив его пульс.

Меня вытаскивают из машины. Человек в ярко-желтой куртке осматривает Алию. Слышу: «Видимых повреждений нет. Скорее всего, в шоке». А потом другой окрик: «Не трогайте! Вдруг, травма головы!». Ответ: «Хорошо, ждем приезда скорой».

– Девушка, вы как? – я понимаю, что обращаются ко мне, но ничего не могу сказать. В оцепенении смотрю на Алию.

– Девушка?!

Я киваю.

– Все в порядке. Я в порядке.

Оглядываюсь по сторонам, пытаясь понять, где произошла авария, ищу мобильник. Перекресток. Не знакомый. Машина, врезавшаяся в нас, сильно помята, дверь со стороны водителя снесена, стекол нет.

– Телефон? – я умоляюще гляжу на мужчину, все еще взволнованно смотрящего на меня. – В машине.

– Сейчас, – он на миг исчезает в салоне, а потом протягивает мне две сумочки.

Я достаю свой мобильный, звоню Лизе, говорю, что попали в аварию и протягиваю трубку мужчине, который мгновенно понимает, что надо сказать адрес. Затем достаю сотовый из сумочки Алии, звоню ее отцу.

Красно-синие сирены. Три кареты скорой помощи подъезжают практически одновременно. Сначала увозят пострадавших мужчину и женщину из другой машины. С ними садится бледный подросток. Затем нашего водителя, а третья скорая забирает меня и Алию. Вжавшись в двери, смотрю, как врач и медсестра снимают с Алии пальто, осматривают ее.

– Девушка…. Вы родственница? Сестра?

Я не понимаю, что он говорит, вижу только бледное лицо

Алии со следами крови, ее закрытые глаза, бескровные губы.

– Травма головы? – выдавливаю я.

– Что? Ах, нет… С ней все будет в порядке. Серьезных повреждений нет. Вы родственница?

Я чувствую, как спадает дикая волна напряжения. На мгновение перед глазами все становится черным, а потом все расплывается. Я пытаюсь ухватиться за дверь, стараясь не упасть, и чувствую сильнейшую боль в руке.

– А кровь… откуда была кровь… – шепчу я.

Холодные руки подхватывают меня, усаживают на кушетку.

– Девушка, господи… что ж вы молчали… Девушка…

Чувствую, как с меня пытаются снять пальто. Перевожу взгляд на руку, с пальцев стекает кровь. Я улыбаюсь, понимая, что кровь была моя, а не Алии. Все будет в порядке.

Глава 12

Я смотрю в окно, за которым уже три дня, не переставая, идет снег. Все вокруг белое. Улицы, деревья, дома. Стены больницы. Халаты врачей. Лицо Алии. Она все еще без сознания.

Зимний холод белого безмолвия проникает в душу, вытесняя из сердца все чувства, страхи и надежды. Если бы я сейчас могла нарисовать наполнившую меня пустоту, то изобразила бы девушку с бледной, почти белой кожей, которая сидит на одинокой льдине, дрейфующей посреди серо-

го океана, сливающегося с черным небом. Она сидит на коленях, запрокинув голову назад, безвольные руки раскрытыми ладонями вверх лежат на льду. Красное платье разорвано на груди, открывая взору стеклянную кожу, под которой синими кристаллами искриться снег, словно из нее вынули все внутренности, заполнив образовавшуюся пустоту льдом и холодом.

Для меня синий цвет всегда ассоциировался с болью, которую невозможно пережить и осознать, только погрузится в нее и подчиниться ей, превратившись в бездушную марионетку, не способную на чувства и самостоятельные поступки. Так я и поступаю, сижу в кресле у окна, жду, пока Алия придет в себя, улыбнется своей солнечной улыбкой и растопит холод снега в моем сердце.

– Танечка, покушай, – просит отец Алии, ласково гладя меня по голове.

Я отрываю взгляд от окна, смотрю на Дмитрия Николаевича, грузного высокого мужчину, с седой бородой и коротко стриженными седыми волосами, красноватым лицом и маленькими карими глазами с красными прожилками сосудов, полопавшихся от усталости. Взгляд их, по обыкновению холодный и жесткий, становится взглядом потерянного ребенка, когда он смотрит на бледную неподвижную Алию. А губы, скупые на улыбку, предательски дрожат.

Дмитрий Николаевич приходит в больницу три раза в день, садится на постель Алии, берет ее безжизненную руку

в свою. Он ничего не говорит, просто смотрит с болью и надеждой на лицо дочери, но, иногда, мне кажется, что я слышу тихий шепот молитвы, прорывающийся из самой глубины уставшего сердца сквозь дрожащие губы. Через час, он встает, целует дочь в щеку, смотрит – съела ли я, принесенную его секретарем из соседнего кафе еду, и уходит.

– Когда Алия очнется, она будет недовольна твоим бледным видом. Ты же не хочешь расстроить нашу девочку? – повторяет он дежурную фразу, ставшую для меня своеобразным сигналом к действию. И я, с неохотой беру ложку, ем безвкусную кашу, пью кофе, даже не замечаю горячий он или остывший.

– Я принес книгу, – говорит Дмитрий Николаевич, когда я ставлю пустую пластиковую посуду на белый подоконник. – У Алии она на четырех языках. Наверно, любимая. Ты почитай. Ей будет приятно слышать твой голос… Думаю, Алия просто боится очнуться… – (Врачи считают, что у Алии психологическая травма, так как все остальные показатели в норме). – Боится прийти в себя и узнать, что ты умерла. Так было с мамой. А меня не было рядом… опять…

Дмитрий Николаевич отворачивается, пытаясь скрыть слезы. Я беру книгу, которую он положил на тумбочку рядом с моим креслом. «Гордость и предубеждение» Джейн Остен. С невольной улыбкой вспоминаю, как мы с Алией обсуждали книгу и снятые по ней фильмы. «Я перечитала ее девять раз. Мне больше понравилась экранизация 2005 года. Да? Из

Киры Найтли получилась чудесная Элизабет Беннет! И атмосфера… такая английская, и красивейшие пейзажи. Согласна, Мистер Дарси просто отвратителен! Изгадили такое чудесное кино! И книгу! Точно, там гордости ни на грамм! А мне, наоборот, сериал 95го показался скучным и неинтересным. Ты права, Колин Ферт в этой роли великолепен, в его мистера Дарси я даже некоторое время была влюблена. Фи, а мне Дженифер Или в роли Лиззи не симпатична. Слишком круглое лицо в этом дурацком чепчике, и она казалась мне некрасивой…».

– Почитаешь для Алии?

– Конечно, – я улыбаюсь. – Это и вправду ее любимая книга.

– Наша мама тоже ее любила. Даже как-то раз заявила: «И почему мне так не повезло? Я мечтала встретить своего мистер Дарси, а вышла за тебя, бесчувственного чурбана. Где были мои глаза?». Я потом прочитал. Жуткая книга. Так и не понял, что особенного в этом Мистере Дарси.

– Мне всегда казалось, что благородство, Дмитрий Николаевич.

– Наверно, – тяжело вздыхает. – Этого я тоже никогда не понимал. Как оно жить помогает? – Он наклоняется, целует Алию в щеку. – Я сегодня приду позже обычного. Береги руку. – Я невольно тру забинтованное предплечье (рана не глубокая, но пятнадцать швов наложили, а еще десять на рану под коленом, и, скорее всего, останется маленький шрам на

лбу – у самой линии волос). – И смотри, без меня не ешь. – И потрепав по голове, уходит.

Я некоторое время сижу в молчании, смотрю на закрывшуюся за ним дверь. Самый длинный разговор за все три дня. Перевожу взгляд на окно, но вместо снега вижу свое отражение. Я тоже белая, даже с синевой. Глаза красные, волосы свалявшиеся, да и пахнет от меня, вероятно, не очень приятно. Лизе только один раз удалось заставить меня помыться. Не могу уйти от Алии, оставить ее одну в белом безмолвии.

– Все знают, что молодой человек, располагающий средствами, должен подыскивать себе жену, – начинаю читать я. Сначала мой голос звучит слабо, еле слышно, но с каждой странницей становится все громче, все сильнее. И, когда, останавливаюсь на секунду, чтобы перевести дыхание, присматриваюсь к Алие, мне кажется, что ее лицо розовеет, и даже пальцы один раз вздрагивают.

Глава 13

– Андрюшенька, ты если хочешь, езжай, у тебя и так дел много. Я уеду на такси.

Слышу ласковый голос ниндзя-дедушки, и появляется ощущение, что в холодные белые оттенки больничных стен палаты добавили солнечных и нежных тонов. Душа наполняется радостью и теплом. Открываю глаза и встречаю взгляд темно-серых глаз, с изумрудными искорками участия, вни-

мательно смотрящего на меня снизу вверх Андрея.

– Зачем же так близко… – бормочу я. Горло болит, голос хриплый и грубый.

– Водички? – не дожидаясь, пока я отвечу, он поднимается, чтобы дать мне воды. Пытаюсь выпрямиться и невольно вскрикиваю от боли в раненной руке и во всем теле. От долгого скрюченного сидения все мышцы затекли. Начинаю терять равновесие и падать, но Андрей успевает подхватить меня.

– Точно, неваляшка, – усмехается он.

Я беру протянутый им стакан с водой, пью. Ох, словно заново родилась.

– Ты как здесь оказался?

– Всеволода Захаровича привез, – он кивает в сторону ниндзя-дедушки, сидящего на стуле рядом с постелью Алии.

– Ниндзя-дедушка! – радостно визжу я. *А ведь забыла о нем напрочь!* Вскакиваю с кресла, не обратив внимания на Андрея, пытавшегося предложить мне руку помощи. – Зачем же вы приехали?! – Я подбегаю к нему, обнимаю за шею, целую в морщинистую щеку.

– Ну-ну, птичка-говорунья, – Всеволод Захарович пытается скрыть, как его обрадовало мое восторженное приветствие, заставляет меня сесть на постель Алии, а сам держит за руку. – Я весь извелся, а это вредно для моего слабого здоровья, ты же знаешь. Позвонила бы, сказала, как у Алии дела, как сама. Вижу, не очень. Ты ешь?

– И моешься? – Андрей демонстративно морщит нос и усаживается в мое кресло, вытянув и скрестив ноги.

Я фыркаю и отворачиваюсь, глажу руку ниндзя-дедушки.

– Ох, простите. Я так переживаю за Алию, что не могу больше ни о чем думать, но я рада, что вы приехали. Я ем. Дмитрий Николаевич, папа Алии, заставляет. Ему очень тяжело.

– Конечно… – Всеволод Захарович печально смотрит на Алию. – Что говорят врачи?

– Все ее показатели в норме. Они думают, что это последствия стресса. Ее мама… три года назад они попали в аварию в Лондоне, ее мама погибла.

– Бедная девочка… – Всеволод Захарович сочувственно качает головой и сильнее сжимает мою руку. – Сама-то как?

– Я нормально, правда. Другим повезло меньше. Нашему водителю сделали несколько операций, он все еще не пришел в себя. У женщины, из второй машины, перелом ноги, у ее мужа, который был за рулем, удалили селезенку. Их сын, к счастью, не пострадал. Тоже несколько порезов, как у меня. Он заходит к Алие, когда навещает родителей.

– Как все случилось? – спрашивает Андрей.

– Не знаю… я не успела ничего понять. Вины ни чьей нет, так сказали. Разве что плохие погодные условия и дороги. Машину перед нами занесло и развернуло, а у нашего водителя не было шансов предотвратить аварию. – Я перевожу взгляд на Алию, нежно глажу ее по щеке, чтобы отвлечься и

не возвращаться мыслями в те ужасные минуты. – Сегодня я читала для Алии, и мне кажется, ей и вправду, лучше.

– Она обязательно поправится, – в голос, с искренней заботой и участием, говорят Всеволод Захарович и Андрей. Я улыбаюсь. Не знаю почему, но именно в этот момент я понимаю, что с Алией все будет хорошо. И словно невидимая рука, сжимавшая мое сердце в кулаке, каждое мгновение по капле выдавливая из него жизнь, раскрывается, и я могу дышать… От избытка кислорода кружится голова…

Открываю глаза и с удивлением понимаю, что Андрей, чудесным образом оказавшийся рядом, придерживает меня за плечи.

– Ну вот, опять! Признайся, ты делаешь это нарочно? – с насмешливой улыбкой говорит Андрей, но взгляд его остается серьезным.

– Ох… что?.. прости… – пытаюсь отстраниться, но он не позволяет мне. – Отпусти… я, правда, не специально!

– Знаю, – он заставляет меня встать, держа за локоть. – Всеволод Захарович, вы побудьте с Алией, а я прогуляю неваляшку.

– Конечно, – ниндзя-дедушка одобрительно кивает. *Предатель!* – Идите. И не упрямься, птичка-говорунья. А я почитаю для Алии, – и он берет с подоконника книгу.

– По-моему, страница 153.

Я плетусь за Андреем. Так и вижу нарисованный во всю широкую спину улыбающийся смайлик. Пнуть бы его под ко-

ленку! А вдруг на меня свалится? Такая туша точно раздавит.

– Да ладно, прекрати злиться. – Говорит он, наконец, выпуская мою руку. – Кофе будешь?

Я недовольно смотрю на автоматы, у которых мы остановились, потом на Андрея. Он терпеливо ждет моего ответа, наклонив голову. Ему идет белый цвет и медицинский халат. О! Из него бы вышел красивый доктор.

– И чипсы. Со сметаной.

– Хорошо.

Я сажусь на скамейку, рядом с огромным фикусом. Странно, еще ни в одной квартире или доме, я не видела фикусов-деревьев, а в больницах всегда есть одно или два. Может, эти растения питаются человеческими страданиями и болью? Такое может быть? Я глажу толстые темно-зеленые листья и прошу их помочь Алие, забрать ее боль.

– С деревьями болтаешь? Что интересного рассказывают?

– Боже… ты, что специально учился подкрадываться?

– Ну да, хобби у меня такое, – он протягивает мне пластиковый стаканчик с кофе и открытый пакетик с чипсами.

– Спасибо.

– Да не за что.

Я пью кофе и грызу чипсы, а Андрей просто сидит рядом. Мне не хочется разговаривать и он это понимает. Когда я все доедаю, он забирает у меня упаковки, выкидывает и заставляет встать.

– Ведь, наверняка, все три дня просидела в кресле. Тебе необходимо размяться.

Я позволяю взять себя за руку. Мы гуляем по больничным коридорам, иногда останавливаемся у окон. Смотрим на черное небо, снег искрящийся золотом под уличными фонарями. Андрей кладет одну руку мне на плечо, словно оберегает или поддерживает, и мне безумно хочется откинуться всем телом на него, как в объятиях Майка. Пытаюсь вспомнить, откуда я знаю те слова, что он сказал при первой встрече. Почему это так важно?

Держась за руки, мы возвращаемся в палату. Дмитрий Николаевич и Всеволод Захарович стоят по обе стороны от кровати Алии, переговариваются вполголоса. Я замечаю, что Дмитрий Николаевич стал спокойнее. Наверное, энергия ниндзя-дедушки и вправду обладает исцеляющей способностью, смог же он победить рак.

Всеволод Захарович и Андрей уходят, оставив после своего визита ощущение твердой уверенности в том, что все будет хорошо. После ужина в тишине Дмитрий Николаевич вызывается почитать для Алии, а я иду в душ. Смываю с себя безысходность и усталость последних трех дней. Закрывая глаза, я больше не переживаю момент аварии, слыша крик Алии, а чувствую тепло прикосновений Андрея, слышу его насмешливое «неваляшка». *Если упадешь, я подхвачу тебя.* Почему я не могу вспомнить?

Глава 14

Просыпаюсь от того, что кто-то гладит мои волосы. Прикосновения легкие, невесомые. Нежность перышка, тепло солнечного лучика.

– Алия…

– Проснулась! – она звонко смеется, ее руки замирают на моих волосах.

– Алия!!

– Доброе утро! – Целует меня в макушку, обнимает со спины за шею, и, не давая возможности развернуться, кладет подбородок на плечо, я накрываю ее руки своими.

– Боже… ты очнулась! Я так рада! – Раскачиваюсь под невидимую мелодию. Алия вместе со мной.

– Сколько я проспала?

– Три дня.

– Наверное, чуть с ума не сошли, да? Прости… – ее голос дрожит.

– О, Алия! – я одним сильным движением разворачиваюсь в кресле и обнимаю ее, а потом, держась за нее, отстраняюсь, чтобы видеть лицо. – За что извиняешься, дуреха?! Да, мы чуть с ума не сошли от волнения, но ведь все чего мы хотели, чтобы ты поправилась. И как можно скорее. Не вздумай, реветь! – Я стираю слезинку с ее щеки.

– Не буду, – и она обнимает меня.

– Задушишь, – кряхчу я, а сама прижимаюсь к ней еще сильнее.

Мы снова замираем в объятиях друг друга, в молчании радуясь, что все обошлось, что живы и вместе. Не знаю, сколько бы мы еще обнимались, но нашу идиллию разрушает грохот падающих предметов и радостный рев Дмитрия Николаевича: «Очнулась! Доченька!».

Ну, вот, остались без завтрака, я улыбаюсь про себя, и оставляю Алию с папой наедине. Лиза забрала мою верхнюю одежду, чтобы починить, а новую еще не успела привезти, поэтому придется поесть в местном кафе. Так я и поступаю, а потом с кофе, двумя порциями каши и сладкими булочками возвращаюсь в палату.

Останавливаюсь у самого порога, так не хочется разрушать их объятия. Дмитрий Николаевич сидит на постели, а Алия у него на коленях, и, уткнувшись лицом в широкую грудь, обнимает за шею. Дмитрий Николаевич одной рукой поддерживает ее за спину, другой перебирает длинные черные волосы.

– Танечка… Завтрак принесла! – Дмитрий Николаевич первым замечает меня. – Молодец, девочка. Алия, солнышко, не вздумай капризничать, нужно все скушать. Ты сама позавтракала?

– Конечно, – я ставлю поднос на кровать. – Врач заходил?

– Да, он сказал, что меня понаблюдают дня два-три и если состояние будет стабильно, то выпишут. – Алия греет руки о чашку с дымящимся ароматным напитком. – Как же я люблю кофе.

– И ненавижу кашу, – заканчивает за нее отец с ласковой усмешкой. – А съесть придется, никуда не денешься.

Я смеюсь, глядя на выражение отвращения на хорошеньком личике Алии. Еще громче, когда Дмитрий Николаевич забирает у нее булочки и начинает кормить с ложки, а Алия, как маленькая, отворачивается и отказывается проглотить кашу, надувая щеки.

После веселого завтрака, Дмитрий Николаевич уходит, и мы с Алией остаемся одни. Она идет в душ, а я смотрю в окно. В моей голове ни одной мысли, только снег. Как же замерзли ноги. Я залезаю на кровать Алии, под теплое одеяло. Через некоторое время Алия ложится рядом.

– А все-таки жаль, что мы не попали на вечеринку, – говорит она, сжимая мою руку.

– Мне тоже. Но только потому, что если бы мы туда попали, то аварии не случилось бы.

– Видимо, не судьба, – вздыхает Алия.

Точно, не суждено, соглашаюсь я. С удивлением понимаю, что не чувствую ни грусти, ни сожаления. С момента аварии я ни разу не вспомнила о Майке или Егоре Саматове. Чувствуя странное умиротворение, вспоминаю, как растворился образ Майка в старом зеркале трюмо. И, вдруг, я снова стою перед тем самым зеркалом. Оттуда на меня смотрит совершенно другой мужчина, с добрыми серо-зелеными глазами. Он протягивает мне руки, я смело берусь за них и делаю шаг в зазеркалье. Мы оказываемся в просторном зале, освещен-

ном сотнями свечей. Кружимся в медленном танце под лирическую мелодию *Secret Garden*.

– Это сон? – спрашиваю я, склоняя голову на его грудь.

– Сон. Мечта. Реальность. Пока ты проживаешь этот момент, он может быть всем чем угодно, чем ты сама захочешь. Ты сама делаешь выбор.

– Всегда сама, – мы останавливаемся в центре зала. – Не судьба?

– А ты веришь в нее? – Я чувствую прикосновение чужой руки к своему лицу, и, поднимая взгляд, совсем не удивляюсь, увидев холодные глаза Егора Саматова.

Я молчу, но музыка, словно отвечает за меня. *Secret Garden* сменяется другой композицией И Румы[5]* под названием *May Be*. Я улыбаюсь. Открываю глаза и понимаю, что нахожусь на снежном поле. Босиком, в белом платье. Оборачиваюсь, почувствовав чье-то присутствие. Но вижу лишь глубокие следы на белом снегу. Иду по чужим шагам, кричу идущему впереди мужчине: «Остановись! Подожди!». Я хочу увидеть его! Его лицо… А снег становится все сильнее, и я уже ничего не могу разглядеть в белой безмолвной пелене. Я падаю. Ледяные хлопья мягко ложатся на лицо, руки, тонкое платье. Где-то вдалеке, выше белого неба, играет композиция *Dream*.

– Она замерзла… – сквозь сон слышу чей-то шепот и чувствую, как меня укутывают теплым одеялом. А потом еле-еле

---

[5] *И Рума (Yiruma) – южнокорейский композитор-пианист.

слышное перешептывание. Я приоткрываю глаза и сквозь ресницы вижу Алию и Андрея, сидящих на соседней кровати и тихо беседующих. А за их спинами, на тумбе две огромные корзинки мини-роз – желтых и коралловых, наполняющих палату волшебным сладким ароматом. Забываю, что хотела некоторое время притворяться спящей, потягиваюсь.

– Проснулась! – тут же раздается радостный вопль Алии.

– Боже… Зачем же так кричать. – Я сажусь на кровати, кутаясь в одеяло. – Привет, – обращаюсь к Андрею.

– Привет, – улыбается.

– Посмотри, какие чудесные цветы, – радуется Алия, наклоняется и по очереди нюхает то желтые, то коралловые розы. – Красивые, правда?

– Вчера мы с Всеволодом Захаровичем так спешили, что забыли про цветы. – Отвечает Андрей на мой невысказанный вопрос. – Вот он и обязал меня привезти их сегодня. Сам не смог, у ребят соревнования.

– Красивые. Алия, мои коралловые!

– Вот еще, – фыркает Солнечная девочка. – Все мои!

– Ну и ладно, – я показываю язык, а Алия корчит злобную рожицу. – Ой, а кофе нет?

– Я сейчас схожу, – предлагает Андрей.

Как только он выходит за порог, Алия тут же перебирается на мою кровать.

– Он такой милый, – шепчет в самое ухо. – Думаю, врет про поручение учителя и цветы, это полностью его инициа-

тива.

– Согласна. О чем вы говорили?

– Да о всякой ерунде. Пытался все о тебе разузнать. Но я, как верный друг, ничего не сказала. И в итоге из него тоже ничего не вытащила. Если честно, ты не вовремя проснулась. Мы как раз собирались заключить бартерную сделку по обмену полезной информацией.

– Обидно. В следующий раз, посылай мне какие-нибудь сигналы.

– Ладно, – хихикает Алия. – Кстати, а как он тебе?

– Весьма интересный парень, – уклончиво отвечаю я с видом полнейшего безразличия.

– Всего лишь? – лукаво прищуриваясь, уточняет Алия. Пока она пытается добиться от меня более определенного ответа, Андрей возвращается в палату с кофе и свежей выпечкой.

– Обожаю пончики, – говорит Алия с набитым ртом и болтая босыми ногами, словно пятилетняя девочка. – Тань, а может, ты хочешь поехать домой? – вдруг спрашивает она. – Ведь уже четвертый день здесь. Андрей тебя отвезет. Ведь так? – Она заговорчески ему подмигивает.

– Конечно. Без проблем. – Он вопросительно поднимает брови, глядя на меня.

– Не… я лучше еще побуду с тобой.

– Тань, я, правда, за. Вот только… – Алия задумчиво хмурится. – Знаешь, еще больше я буду рада, если ты переедешь

из своей жуткой квартиры ко мне. И если тебя уволят, тоже. Тогда ты будешь моей все дни напролет, но ведь твоя дурацкая гордость будет ныть, визжать и ломаться.

С каждым словом Алии мои глаза становятся все шире. Я понимаю, что напрочь забыла про работу. Не позвонила ни в кафе, ни в салон.

– Аааа. Я еду.

– Ты совсем забыла, да? – с притворной заботой говорит Алия, забирая из моих ослабевших рук пончик.

– Засранка, – невольно смеюсь я, – ведь ни капельки не сочувствуешь.

Через полчаса мы с Андреем прощаемся с Алией. Розы она так и не позволила мне забрать, объяснив это тем, что незачем Андрею лишние тяжести таскать. О чем она говорила, я поняла только, когда у выхода из больницы Андрей поднял меня на руки. Все мои протесты тут же заглушили порывы ледяного ветра и снега.

– Жуткая погода, – выстукиваю я зубами, после того, как Андрей усадил меня в машину.

– Точно. Потерпи чуть-чуть, скоро станет тепло. Прости, не догадался прогреть заранее. – Он снимает с себя синий пуховик и закутывает меня в него.

– С-с-спасибо.

– Думаю, лучше будет проехать…

Я даже не пытаюсь понять рисуемый им маршрут. Просто слушаю его голос, только бы не думать о дороге, не вспоми-

нать про аварию.

– Как тебе школа?

– Что? – я удивленно смотрю на него, на поток машин и понимаю, что даже не заметила, как мы выехали с парковки.

– Алия говорила, что вы познакомились в Британской Школе. Расскажи. – Он внимательно смотрит на дорогу, в зеркала.

– Ах, да… прости, задумалась. – Наконец, до меня доходит, что Андрей пытается отвлечь меня от плохих воспоминаний. – Ну, знаешь, я бы сказала, что это Алия со мной познакомилась…

За светской болтовней время и дорога проходят незаметно. Когда подъезжаем, Андрей настаивает на том, чтобы донести меня до квартиры, я отказываюсь. В итоге договариваемся, что он донесет меня до первого этажа. Очень уж неудобно заставлять его тащить меня на четвертый этаж, да и замерзнуть точно не успею. На прощание я быстро обнимаю его, целую в щеку и убегаю. Запыхавшись, влетаю в квартиру. Не раздеваясь, прохожу на кухню, смотрю на черный *Ford Explorer*, стоящий под окнами. Почему он не уезжает?

«Включи свет», – вдруг слышу в голове голос Майка.

Я включаю свет, возвращаюсь к окну и наблюдаю, как Андрей медленно разворачивает машину, уезжает.

Глава 15

«Он тебе нравится?»

– Не знаю.

«Врешь!»

– Если бы ты был настоящим, я бы спросила – ревнуешь?

«В том-то и дело! Я ненастоящий! Зачем тогда лжешь?»

– Не знаю. Я запуталась.

Андрей уехал, я выключаю свет. За последние три недели это стало своеобразной традицией по умолчанию. Алия все еще не может сесть за руль, а я боюсь московских дорог, да и любых других тоже. И все же подумываю согласиться на предложение Андрея возобновить уроки вождения. Я получила права два года назад (с пятого раза), но водить так и не стала.

«Лишний повод провести с Андреем больше времени», – усмехается Майк.

– Как будто для этого нужны причины, – сажусь на подоконник, обнимаю себя за колени.

Мы и так в последние дни часто видимся. Алия не только умудряется эксплуатировать Андрея в роли водителя, но и в роли спутника и все время, которое мы с Алией раньше проводили вдвоем, теперь делим на троих. К счастью, традиция бегать по утрам с ниндзя-дедушкой изменениям не подверглась. Уроки самообороны я тоже оставила, теперь занимаюсь в школе Всеволода Захаровича, чаще всего в паре с Андреем. Для Алии всегда находится партнер из учеников, в основном Гриша – внук Всеволода Захаровича. Мы с Андреем считаем, что мальчишка влюбился в Алию «по самые уши».

Гриша все приговаривает «надеюсь, он навсегда останется в Штатах», имея в виду друга Андрея, которого Всеволод Захарович изначально прочил в партнеры Алие, как равного по подготовке и способностям.

«Что ты знаешь о нем, кроме того, что его зовут Андрей, у него спортивная стройная фигура и добрый ласковый взгляд?»

Я смотрю на Майка, сидящего рядом со мной на поддоннике. Согнув одну ногу в колене, он опирается на нее локтем, прислонившись спиной к оконной раме.

– Ничего…

«Почему? Почему не расспрашиваешь его и заставляешь молчать Алию? Она ведь уже всю его подноготную выведала, и так и лопается от желания рассказать тебе».

– Знаю. Я… – на мгновение прячу лицо в ладонях. – Я боюсь… боюсь, что чем больше буду о нем узнавать, тем сильнее буду влюбляться.

«Почему?»

– Такое ощущение, что я знаю его давно, – намеренно игнорирую вопрос Майка. – Так было с Алией, она в один вечер изменила и заполнила мою жизнь. Так же и с Андреем… а ведь двух солнц не бывает, сам говорил. С ним легко и просто, когда я держу его за руку или под руку, мне кажется, что так и должно быть. Когда он обнимает меня, я словно в твоих объятиях, мне тепло и уютно. С ним я могу быть беззаботной, свободно смеяться, не думать, как выгляжу, не пы-

таться произвести лучшее впечатление. И не гадать – а я, и вправду, нравлюсь ему? Я знаю, что так и есть. Он подхватит меня, если я вдруг оступлюсь, и сможет защитить от любой опасности.

«Ты так и не вспомнила откуда эти слова?»

– Нет… А еще Андрей не позволит мне плакать из-за него…

«Тогда снова спрошу – почему?»

– Не знаю…

«Почему? Отвергаешь все его попытки пригласить тебя на свидание? И все попытки Алии оставить вас наедине? Сбегаешь, при первой же возможности? А ваши тренировки? Ты превращаешь их в жалкий фарс, боясь лишний раз дотронуться до него! Ты не говоришь твердое «нет», но и «да» ни разу не слетело с твоих губ. Почему?»

– А почему я до сих пор говорю с тобой?! – я срываюсь на крик и чувствую, как слезы закипают в уголках глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.